

КРЕСТЬЯНКА
№ 3 МАРТ 1963

ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ СОЛНЦЕ

Музыка А. ОСТРОВСКОГО.

Слова Л. ОШАНИНА.

Солнечный круг,
Небо вокруг —
Это рисунок мальчишки.
Нарисовал
Он на листке
И подписал в уголке:

Припев:

ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ СОЛНЦЕ,
ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ НЕБО,
ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ МАМА,
ПУСТЬ ВСЕГДА БУДУ Я!

Милый мой друг,
Добрый мой друг,
Людям так хочется мира!
И в тридцать пять
Сердце опять
Не устает повторять:

Припев.

Тише, солдат,
Слышишь, солдат,
Люди пугаются взрывов,
Тысячи глаз
В небо глядят,
Губы упрямо твердят:

Припев.

Против беды,
Против войны
Встанем за наших мальчишек.
Солнце навек,
Счастье навек —
Так повелел человек!

Припев.

СЛОЖНО. В УВЕРЕННОМ TEMPO

ВЫРАЖАЮЩИЙ, НЕУВЕРИТЕЛЬНЫЙ

РАДостно

Темп марша

ВЕРЯЩИЙ, РАДостно

Альте марширует

Рисунок В. СТЕКОЛЬЩИКОВА.

НАВСТРЕЧУ ВСЕМИРНОМУ КОНГРЕССУ ЖЕНЩИН

Как идет подготовка к созываемому Международной демократической федерацией женщин в июне этого года Всемирному конгрессу женщин?

Кому, как не бессменному председателю федерации, знать это! И я отправилась к мадам Эжени Коттон. Она живет в юго-западном пригороде Парижа, в местечке Севр. Автобус быстро домчал меня до живописного, расположенного на высоком холме Севра. Раньше он был известен только своей знаменитой фабрикой фарфора. Теперь же не менее громкую известность получила педагогическая школа, в которой когда-то преподавала и которой позднее руководила мадам Эжени Коттон. Вот я и на улице Морис Берто, у дома № 18.

Это небольшой двухэтажный особнячок. Едва переступив порог, видишь: жизнь здесь течет по особому руслу. Это и понятно: восьмидесятилетняя женщина, его хозяйка, мало чем походит на своих соседей. Ведь большинство их занято только собой, в лучшем случае собственными детьми и внуками. А женщина из дома № 18 посвятила себя неустанным заботам о судьбах миллионов матерей и детей всего мира.

— Что сказать вам о предстоящем Московском конгрессе? — задумчиво повторяет мой вопрос Эжени Коттон. — Прежде всего хочу настойчиво подчеркнуть важность этого события. Такие вопросы, как мир и разоружение, не сходят с повестки дня наших конгрессов. Московский не будет исключением.

В послевоенные годы женщины всех континентов горячо и слаженно борются за мир. В этом нет ничего удивительного: женщины дают жизнь. Кому, как не им, следует заботиться и о счастливом будущем человечества! Они понимают, что ядерная война никого не пощадит. В ряде стран Европы и Азии при участии и по инициативе женщин проводятся мирные демонстрации, организуются походы за мир.

На Всемирном конгрессе в Москве летом прошлого года женщины, составлявшие треть делегатов, обратились к женщинам всего мира, предлагая образовать цепную реакцию жизни, дабы восторжествовать над несущей смерть атомной цепной реакцией.

Кроме того, нам придется еще раз заняться вопросами защиты прав женщины: женщины-матери, трудящейся женщины, женщины-гражданки. Международная демократическая федерация женщин в интересах самого женского движения должна сотрудничать с другими организациями, сохраняя при

этом свою специфику и свою собственную линию поведения. В период подготовки к конгрессу в Москве необходимость сотрудничества становится еще более насущной.

Бюро МДФЖ решило создать Международный фонд, за счет которого делегатки, не имеющие средств, смогут приехать в Москву.

Уже во многих странах женщины начинают принимать активное участие в подготовке конгресса. Японские женщины постановили внести в Международный фонд по 15 долларов на каждую делегатку от Японии. Женские организации Канады, Норвегии и Франции приняли на себя расходы по поездке на конгресс нескольких африканских делегаток. Это решение поддержали и женщины Болгарии и Румынии. Они выразили готовность обеспечить приезд в Москву делегаток из отдаленных стран Азии, Африки и Латинской Америки.

— А у нас, во Франции, началась подготовка к конгрессу?

— Наверное, у всех на памяти, что именно во Франции, в 1945 году на первом съезде французских женщин, родилась идея создания Международной демократической федерации женщин, что именно в Париже был создан подготовительный комитет. Мы, француженки, по праву гордимся этим. Так как же мы можем сидеть сейчас сложа руки!

Подготовка к конгрессу уже идет по всей Франции. Национальный совет союза назначил день съезда французских женщин. Он состоится в Париже 11 и 12 мая. Но до этого по всей стране пройдут встречи, собрания, митинги.

Вновь возвращаясь к самому конгрессу, мадам Коттон говорит о том, как важен его созыв именно тогда, когда все большее число людей начинает понимать, что переговоры — лучшее средство для урегулирования любого конфликта.

— Только объединив свои усилия, женщины, играющие все большую и большую роль в жизни народов всех континентов, смогут достичь поставленных целей, — говорит мне на прощание Эжени Коттон. И, подумав немного, добавляет: — Скоро 8 Марта, наш женский праздник. Международная демократическая федерация женщин надеется, что встречи, которые будут организованы в связи с днем 8 Марта, станут самым лучшим преддверием к Всемирному конгрессу женщин.

Элизабет МАНЬЯН

г. Париж.

Когда моя Милочка была маленькой, она любила загадывать загадки. Бывало, спрашивает меня:

— Мама, что быстрее всего на свете?

И я отвечаю:

— Время.

— А что дороже всего на свете?

Я целовала ее.

— Вырастешь, дочка, узнаешь.

Время и вправду быстрее всего. Промчалось незаметно. Мила стала взрослой. Теперь я спрашиваю ее:

— Что же дороже всего на свете?

Она целует своего сына и говорит в ответ:

— Вовка. И тысячи, тысячи таких Вовок...

Почти двадцать лет я работаю в детском саду нашего совхоза. Каждое утро меня встречают сердечные улыбки, ласковые ручонки ребятишек.

— Ваванна! — кричат одни.

— Анна Ивановна пришла! — радуются те, кто постарше.

Среди них я чувствую себя счастливой. Почему же мне так дороги дети? Может быть, потому, что я видела, как они умирали во время блокады Ленинграда, а их голодные матери от горя сходили с ума? Или потому, что помню, как, потерявшись во время бомбежки, ребятишки цеплялись за подошвы женщин, а те молча плакали? А может быть, просто потому, что я сама мать, а теперь уже и бабушка? Нет, не только поэтому. Вот наши совсем еще молоденькие воспитательницы Галина Томки и Евгения Скрипалева. Они не знают того, что знаю и пережила я. Но как они привязаны к детям, как любят их, берегут! Видно, так уж устроено женское сердце — любить детей.

И эта любовь роднит женщин всей земли. Боясь за будущее ребятишек,

тревожась о том, как бы взрыв атомной бомбы не оборвал их жизни, женщины мира часто собираются на конференции и конгрессы.

Скоро женщины опять съедутся на Всемирный конгресс. На этот раз в Москву. Когда мы узнали об этом, нам захотелось послать привет матерям мира от нашего совхозного детского садика. Пусть делегаткам всей земли будет хорошо в нашей стране. И мы решили: ребятишки из нашего детсада своими руками сделают для участниц конгресса подарок — рисунки, вышивки, игрушки. У нас есть неплохие художники. Семилетний Витя Анцеров рисует так, что все село диву дается. А девчушки — заправские рукодельницы.

И еще мы задумали выступить с концертом детской самодеятельности. Выступления детей у нас всегда имеют успех. Наро-

ду на них собирается — яблоку негде упасть.

Этот концерт мы запишем на пленку и пошлем в Москву.

Кроме того, он, против обыкновения, будет платным, а собранные деньги мы передадим в Международный фонд.

Надеемся, что привет наших ребятишек порадует участниц Всемирного конгресса женщин в Москве.

А. И. КОСТИНА,
зав. детским садом совхоза «Междуреченский»
Ставропольский край.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КРЕСТЬЯНКА
№ 3 МАРТ 1963
41-Й ГОД ИЗДАНИЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ТРИ ГЛАВЫ

Глава вторая «священной книги» Коран гласит: «Непоскорную жену муж вправе лишить свободы и даже жизни. Муж может развестись с женой по своему желанию и усмотрению без объяснения причины.

Жена не может развестись с мужем против его воли».

А по прозрачным улицам Ташкента идут голоногие, спортивного вида девушки-узбечки. И где-то на дальней ферганской дороге темнотица старуха правит мотоциклом. И у токарных станков стоят длинноносые женщины. И моя соседка по гостинице, студентка-заочница из Хорезма, каждый вечер бежит на свидание с черноглазым парнем, не боясь ни отца, ни бога.

Они забыли мрачные заветы старины. Забыли, как прячут лицо за черной, похожей на тонкое сито решеткой. Забыли, что, выходя из дому, надо оглядываться налево и направо, не идет ли по дороге мужчина, чтоб не пересечь ей, нечистой, пути властелина.

Многое они забыли. А впрочем, «забыли» — не то слово. Старину побеждают в боях. И каждая победа дается не просто. Даже сегодня.

С женщинами разных судеб и разных поколений познакомилась я в Узбекистане.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мать умерла от родов. Умирая, она сказала брату:

— Назовите ее Ак Султан, и пусть она будет счастливой, как царица.

Отец умер еще до того, как девочка родилась, и дядя увез новорожденную в далекий город Баку. Дядя сам был беден баранами и богат дочерьми, но племянницу в семье не обижали. Ее

кормили, поили, однажды даже подарили колючку. Дядя очень хотел племяннице счастья. И чтобы была она счастливой, рано подумал об устройстве ее жизни. В одиннадцать лет Ак Султан продали в далекий аул замуж.

— Муж хороший, — говорил дядя соседям. — Не мальчишка — пятьдесят лет. Двадцать баранов и две жены.

Ак Султан плакала, но не очень. Она давно знала, что девочка должна стать чьей-нибудь вещью.

Первая жена оказалась не злой. Она шила Ак Султан рубашки и пекла вкусные пузырчатые лепешки.

В тринадцать лет родила Ак Султан дочь. И кто знает, как пошла бы ее человеческая и женская жизнь, если бы не надумал муж переехать в город. Не стало больше овец, которых надо кормить, не было сада и виноградника. Первая жена осталась в ауле. Муж ушел на работу, дочь засыпала, и Ак Султан смотрела в окно.

Девочка-мать со страхом и завистью, отогнув конец занавески, провожала глазами других, не похожих на нее девочек. Они ходили незакрытыми, пересмеивались с мальчишками, держали в руках новенькие кожаные портфели. Их грудь украшали кумачовые галстуки. Шел 1923 год.

Ее свобода пришла в дом с бедой: за что-то арестовали мужа. И хотя в доме не было денег, Ак Султан вздохнула с облегчением.

Ей захотелось на волю, к ровесникам. Но в детство дороги заросли безвозвратно. Она была взрослой.

И это сразу понял человек в гимнастерке, сидевший в одном из кабинетов горкома. Понял, едва взглянув в тихие и твердые глаза тоненькой девочки, без стука открывшей дверь.

Ак Султан забыла имя этого первого в ее жизни коммуниста. Но разговор свой с ним никогда не забудет.

Она сама не знала, чего пришла просить. Работы? Но женщине неприлично работать вне дома. Денег? Но нельзя брать деньги в подарок, их можно только зарабатывать. Пятнадцатилетняя, ничего не знавшая о жизни и уже прошедшая ее суровую школу девочка-женщина, задыхнувшись, смотрела в чужое мужское лицо. А человек встал из-за стола и нервно заходил по комнате.

— Ты, товарищ Клычева, так нам могла бы помочь! Ведь вот погляди, как твою-то жизнь изуродовали! Не трясина, не трясина, конечно же, изуродовали! Тебе еще в куклы играть... Ну да ладно, не о том речь. Я вот чего хочу.

Он подошел к ней и доверительно положил на плечо руку. И она, воспитанная в страхе перед мужчиной, не подумала ничего плохого. Поняла, что бывают между людьми и другие, товарищеские отношения.

Да, она поможет. Она очень хочет помочь и этому человеку и женщинам.

Когда секретарь горкома предложил Ак Султан пойти работать в женотдел, он еще и сам не знал, почему он сделал это. Девочка как девочка, разве подсказала ему что-то волевая складка у детских губ, прямой взгляд. И сквозившее во всем ее облике желание найти свою правду в жизни.

С первых же дней Ак Султан начала работать со страстью. Если слышала, что в каком-то дальнем кишлаке собираются продать замуж девочку, среди ночи хватала велосипед и мчалась туда. Она готова была до утра колотить в запертые двери, стучаться в захлопнутые наглухо сердца. Она садилась на корточки против матери невесты и говорила:

— Нам с тобой судьба не послала счастья. Но посмотри на нее. У нее такие слабые руки, у нее такое детское сердце. Не дай затоптать ее в грязь. Мне семнадцать лет, а я уже старуха.

Но у меня не было матери, а у нее есть ты.

Ак Султан почти не знала неудач. Она устраивала женщин на работу, угрозила учиться читать, защищала от пьяных мужей. В семнадцать лет, первой из женщин Таджикистана, вступила она в партию. Вскоре стала заведующей женсектором ЦК.

Много воды утекло с тех пор. Ак Султан вышла вторично замуж, у нее шестеро детей и четырнадцать внуков. Один из них партийный работник в Ашхабаде, другая — актриса, есть среди них служащие, рабочие.

Ак Султан прошла длинный трудовой путь, сейчас она персональная пенсионерка.

Она довольна своей судьбой, довольна и той жизнью, которая кипит вокруг. Ведь в том, что эта жизнь существует, есть крупица и ее труда.

Ей не о чем плакать. Но иногда она все-таки плачет. Ей жалко худенькую девочку, которую пятьдесят лет назад везли по пыльным дорогам в рабство. Детство той девочки убили давным-давно, много десятилетий назад.

Но куда страшнее видеть такое убийство теперь: вчера, а порой и сегодня.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Когда мать сказала Махбубе, что ее выдают замуж, в сердце девушки заговорило много очень разных чувств. Она недавно окончила семилетку, была комсомолкой, читала роман «Как закалялась сталь». Ей было стыдно выходить замуж по обрядам прабабок, не зная лица и походки своего жениха. Было жалко расставаться с неясными мечтами о большой работе. Но она считала себя не очень красивой и не надеялась най-

ти жениха иначе, чем находили мать и бабка. Поэтому она не спорила и, как во сне, ждала той минуты, когда отшумят свадебные песни и незнакомая рука человека, названного мужем, откинется с ее лица покрывало невесты. И минута эта настала. Нет, Семинджан не был ни крив, ни некрасив. С замиранием сердца девушка поняла, что, наоборот, он красив, очень красив. И, взглянув украдкой на предназначенного ей властелина, она стыдливо закрыла лицо горячими ладонками.

В тот год ровесники Махбубы тянули по пескам Узбекистана газопровод, а молодые трактористки вели первую борозду по целинным степям. Жизнь стремительно летела вперед. Для Махбубы же время остановилось. Она забыла алгебру и ботанику, острый запах свежей газеты и шум комсомольских собраний. Она ступила на шаткую тропу предков — стала покорной женой. И, кроме того, она полюбила.

А Семинджан со снисходительной улыбкой смотрел, как молодая жена несла ему в постель жирный плов, стирала его рубашки, скребла и мыла их маленький домишко.

Иногда Махбубу волновало, что Семинджан целый день лежал и курил, а в последнее время стал исчезать по вечерам и возвращаться пьяным. Но у Махбубы был кроткий характер. Она считала, что жена не должна осуждать поступки мужа.

Как-то, сварив плов из последнего риса, Махбуба печально сказала:

— Семинджан, надо купить что-нибудь к ужину. У меня ничего больше нет.

Он тяжело поднял с подушки хмельную голову:

— Ты жена, ты должна знать, чем кормить мужа.

Махбуба продала соседке свое лучшее атласное платье, потом пуховый

платок — самую нарядную вещь из приданого.

«Все равно ходить некуда», — утешала она себя.

Потом платья начал продавать Семинджан. То и дело видела она, что сундучок ее перерыт, а муж пьян и весел.

— Я пойду работать, — сказала она однажды. — Это теперь совсем не стыдно, смотри, сколько узбечек ходит в поле.

Муж промолчал. Сказать «да» он стыдился, сказать «нет»... Но платьев в сундуке осталось совсем мало.

И Махбуба пошла в поле. Она опять повеселела, опять стала тихонько напевать. Не беда, что теперь приходилось вставать задолго до рассвета. Часто в обед она прибегала домой, чтобы накормить мужа. А он становился все грубее и придирчивее.

Как-то раз Махбуба, вернувшись с поля, сказала:

— Почему бы и тебе не пойти работать? У тебя заболит сердце. Нельзя человеку всегда лежать и быть пьяным.

И тогда Семинджан впервые ее избил. Он молча швырнул жену на пол, ударил ногой в живот. Только живот и закрывала руками Махбуба: она ждала ребенка. Ребенок ее погиб, не родившись.

Чуть живая, Махбуба собрала узелок и пошла к матери. Она лежала в родном доме, вытянув избитое тело, и тихо плакала. Родителей она ни в чем не упрекала. Больше винила себя. Ведь старики не кончали семилетку, не вступали в комсомол. И в глубине души начало расти какое-то решение. Но зрело оно медленно, с трудом пробиваясь сквозь окаменелости мертвых законов и предрассудков.

По старым узбекским обычаям женщина не может больше суток провести вдали от мужа. Иначе он должен прогнать ее прочь. Утром отец легонько тронул Махбубу за плечи.

— Собирайся, дочка, пришло время. Она не стала спорить. Отец ни за что не разрешил бы великого позора: его дочь не могла покинуть мужа.

И Махбуба вернулась. Жизнь стала еще страшнее. Муж бил ее теперь ежедневно. Пропил в доме все до нитки. Он все больше и больше превращался в зверя.

И Махбуба решилась. Она сказала родителям:

— Если отправите меня, наложу на себя руки.

Старики поняли, что дочь не шутит. И Махбуба подала на развод.

Идет Махбуба по родной улице, выходит на хлопковое поле. Идет и чувствует на себе презрительные взгляды мужчин, настороженные — женщин. Отцы говорят ее бывшим подругам:

— С Махбубой не водись. Она дурная женщина. Она преступила законы предков, развелась с мужем.

А Махбубе хотелось доказать всем, что она не только женщина, но и человек.

Однажды в полдень почтальон принес на поле газету. Кто-то начал читать ее вслух. Незнакомая женщина Турсунной Ахунова обращалась ко всем девушкам Узбекистана. Она призывала их сестры за тракторы, доказать, что они ничем

Ак Султан любит ходить в театр со своей внучкой.

не хуже мужчин. Махбуба слушала, за-таив дыхание: откуда незнакомка узнала ее мысли?

С того дня потеряла Махбуба покой. По вечерам, придя с работы, она садилась к столу и писала письмо. Она писала его, как пишут стихи поэты.

«Я хочу догнать самое себя. Я где-то в мыслях ушла далеко вперед, а в жизни стою на месте. Я хочу стать человеком. Я хочу, чтобы хлопок собирали быстрые машины, а не усталые руки».

Письмо Махбубы напечатали в республиканской газете. Ей предложили учиться на курсах механизаторов. Она согласилась с восторгом, не думая о том, что скажут родные и соседи.

Махбуба училась, восстановилась в комсомоле, потом подала заявление в партию. Она опять читала газеты и спорила с товарищами по курсам. Она жила жадно, впитывая каждый день, каждое дыхание жизни, как изголодавшийся человек вдыхает запах свежего хлеба.

Курсы окончила на «отлично». В первые же дни смолкли колхозные скептики. Мужчины с завистью смотрели, как легко управлялась дерзкая женщина с машиной.

Они говорили:

— Она хочет собирать хлопок машиной. Она испортит хлопок. У нас этого еще никто не делал. А женщина не может быть первой.

Махбуба стала первой. Ей дали норму 70 тонн. В два с лишним раза больше того, что можно собрать за целое лето руками. Она собрала 135 тонн. Но ей казалось, что это очень мало.

Она сама стала следить за посевами хлопка. Тот участок, который ей предстояло убирать, с начала посевной становился ее домом.

Этим летом Махбуба собрала неслыханное количество хлопка: 210 тонн! Верховный Совет Узбекской ССР присвоил ей звание заслуженного механизатора республики.

Но характер Махбубы не изменился: все такая же она веселая и тихая. В своей работе депутата областного Совета Махбуба больше всего боится интересами женщин. Сколько семейных драм ей удалось уладить, сколько выпрямить исковерканных судеб! По ее примеру очень много девушек в Ферганской области сели за руль хлопкоуборочной машины.

— Никогда тебе нет покоя,— ворчит на Махбубу мать.— Четыре магазина уже выхлопотала своему подшефному району. А теперь подай тебе и клуб и больницу. Сколько раз пришлось съездить в обком, в облисполком. Лучше б на курорт поехала...

Махбуба смеется, Махбуба счастлива. Она нужна людям. Люди стучат в дверь ее дома. И не только женщины. Даже мужчины, забыв свой обветшалый гонор, переступают ее порог.

А недавно в дверь постучался он. Как старалась Махбуба позабыть свое недавнее горе! А все же знакомый холодок пробежал по спине, и ей пришлось сделать усилие, чтобы преодолеть давнюю привычку и посмотреть прямо в глаза Семинджана.

Он молчал, стоя у дверей. Теперь не она, он глядел в пол, не подымая глаз. Потом заговорил о том, что ошибся, что не может забыть, что...

У Махбубы Насриддиновой радостное настроение: ее наградили орденом «Знак Почета» и выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета республики.

— Нет,— твердо ответила Махбуба,— нет, Семинджан. Наш шашлык сгорел. Наша любовь умерла.

Ушел Семинджан. Но от людей узнает Махбуба о его жизни. Он перестал лодырничать, окончил курсы механизаторов и стал трактористом. Видно, не давала ему покоя мысль о том, что далеко отстал он от маленькой упрямой женщины, которая называлась когда-то его женой.

Нелегко далась Махбубе Насриддиновой борьба за право быть человеком.

Но все реже и реже случается такое сегодня. Махбубе всего 27 лет, но и семь лет иногда отделяют поколение от поколения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Дильбар, а твой муж не пробует обращаться с тобой по-старому?

— Ой, что вы! Он у меня, беденький, полы моет, на базар ходит.

Дильбар смеется звонко, как горный колокольчик.

— Но вы не думайте, что я его притесняю. Он у меня артист, как я, танцор. А нянчится он со мной, потому что у нас скоро родится маленький...

Дильбар ждала малыша с нетерпением. Было ей легко и радостно. И ничто не напоминало о том, как относились в Узбекистане к беременным женщинам несколько десятилетий назад.

Беременная женщина считалась существом нечистым. После нее нельзя пить и есть. Мужчина не подходил даже к грудному ребенку: ведь он связан с нечистой матерью.

А Дильбар! Об этом никто не знал, конечно, но ведь ее малыш вместе с ней был на Всемирном фестивале молодежи в Хельсинки. Там она, молодая узбекская женщина, покорила своими танцами, своим одухотворенным лицом и веселой улыбкой сотни людей всех рас и народов.

Выросшая в детском доме, окончившая танцевальное училище в Ташкенте, познавшая большую светлую любовь, Дильбар не знает древних темных страхов.

Дильбар вместе с танцевальным ансамблем филармонии, где она работает после окончания училища, много ездит по Узбекистану.

Приезжая в далекие колхозы, девушки-балерины стараются взбаламутить стоячие воды застарелого быта. Они подолгу разговаривают с женщинами, рассказывают о своей увлекательной работе. Если во время концерта зрительницы сидят в отдельном уголке (как бы не оскорбить мужчин), если во время танцев, говорящих о любви, о красоте молодого человеческого тела, женщины стыдливо закрывают глаза руками, Дильбар и подруги ее после концерта окружают какую-нибудь девушку и настойчиво зовут ее в гости, дают ей свои адреса. Нападают на председателя колхоза, что он плохо борется с пережитками.

По мнению Дильбар, все должны знать, какова новая узбечка. Об этом многие узнали и в Хельсинки. Хотя бы тот американец в коротком плаще. Может быть, он не случайно подошел к Дильбар, может, слышал об исконной робости узбекских женщин. Он протянул

Дильбар открытку. Она взяла и почувствовала в руках что-то мягкое. Сзади к картинке были прикреплены чулки. Обыкновенные капроновые чулки. Дильбар оглянулась. В толпе среди участников фестиваля мелькали какие-то подозрительные типы с фотоаппаратами. Она мгновенно догадалась: фабрикуется

Дильбар счастлива — у нее родился сын.

с быстротой, которой научили ее родные танцы, приколола их к лацкану пиджака. Вот так. Теперь можете делать снимки. Все в порядке. Американец пустился наутек.

Дильбар получила на фестивале Большую золотую медаль. Ее рукоплескали, ее вызывали десятки раз на всех концертах. Она гордо шла на параде в рядах советской делегации.

одна из пропагандистских штучек, какими пестрят буржуазные газеты. Завтра появятся ее фотографии с воплями: «Советская девушка впервые держит в руках капроновые чулки».

— У нас такие подарки не дарят,— сказала Дильбар, в упор глядя на американца.— Возьмите.

Он не брал. Тогда Дильбар взмахнула свертком, чулки развернулись. Дильбар

В те дни впервые под ее сердцем шевельнулся ребенок.

«Я очень хочу, чтобы это была девочка,— подумала Дильбар.— Слишком много узбекских девочек были несчастными. Пусть теперь их, счастливых, рождается больше».

Н. ГРИГОРЬЕВА

Фото А. ГЕРИНАСА.

г. Ташкент.

Первые в России

Пятьдесят лет назад, в начале 1913 года, Центральный Комитет большевистской партии, находившийся в эмиграции, поручил секретарю газеты «Правда» Конкордии Николаевне Самойловой организовать первый в России Международный социалистический день работниц, уже несколько лет отмечавшийся в других странах. По мнению ЦК, это должно было привлечь русских женщин к участию в международной пролетарской борьбе. Центральный Комитет надеялся, что Конкордия Николаевна, «упорная сибирячка», сделает все возможное, чтобы выполнить важное поручение.

«Товарищ Наташа», как называли Самойлову, работая в большевистской газете, поддерживала самую тесную связь с рабочими корреспондентами, активистками — работницами петербургских фабрик и заводов.

В 1912 году царское правительство приняло новый закон о страховании. По этому закону работницы могли избираться в правления рабочих больничных касс наравне с мужчинами. Допустив женщин к выборным должностям, правительство рассчитывало на их отсталость, узость интересов и равнодушие к политике. Оно надеялось, что они-то и помешают превратить больничные кассы в те революционные «фабрично-заводские пролетарские ячейки», какие видел в них В. И. Ленин. Но большевики направили к работницам своих пропагандистов и агитаторов. Профсоюзы металлистов, кондитеров, портных и другие организовали комиссии по работе среди женщин. Так русские работницы были вовлечены в организованное рабочее движение, в котором прежде они участвовали лишь стихийно, в самые острые моменты революционной борьбы.

Всего год назад о массовом выступлении русских работниц не приходилось и мечтать. Но теперь почва была готова.

Самым подходящим помещением для торжественного собрания Конкордия Николаевна считала вместительный зал Калашниковской биржи. Но чтобы снять его, необходимо было разрешение петербургского градоначальника.

Если бы градоначальник заподозрил, кому и для чего понадобился зал, непременно запретил бы собрание. Малейшая неосторожность могла провалить дело. Опытные конспираторы, Конкордия Николаевна Самойлова и Прасковья Францевна Куделли, одна из самых выдающихся женщин-пропагандисток в Петербургской большевистской организации, написали короткое, тщательно обдуманное прошение. Чтобы усыпить бдительность хранителей порядка, будущее революционное собрание они успокоительно именовали «научным утром». А для лучшего отвода глаз была указана даже цена билетов. На самом деле их бесплатно раздавали в рабочих районах Петербурга. Кроме того, организаторы пошли на такую маленькую хитрость: вместо 23 февраля (8 марта н. с.) решили собраться шестью днями раньше.

Расчет оправдался. Градоначальник, скользнув глазами по бумаге, решил, что к нему обращаются светские дамочки, пытающиеся играть роль защитниц женщин от угнетателей-мужчин. Власти знали, как далеко от классовой борьбы их пустословие.

«Разрешить», — благосклонно написал градоначальник поперек листа.

«Товарищ Наташа» собрала будущий актив, которому предстояло осуществить задание Центрального Комитета. Кроме Прасковьи Францевны Куделли, в него вошли Анна Ильинична Елизарова — старшая сестра В. И. Ленина, молодая ткачиха, член правления профессионального союза текстильщиц Шура Алексеева, конторщица Таня Картечева и другие. Все вместе разработали план подго-

товки к Международному женскому дню, наметили темы докладов.

А незадолго до празднования в газете «Правда» появился новый отдел, называвшийся «Женский день и работница». В нем регулярно печатались статьи, разъяснявшие цели и значение международного женского социалистического движения, рассказывалось о праздновании Восьмого марта в Германии, Австрии, Дании, Швейцарии, США и других странах.

«Правда» опубликовала вопросник, в котором просила читательниц сообщить, сколько часов они работают в сутки, как оплачивают их труд, как обращается с ними заводская администрация.

Ответы печатались в газете. Из них вырисовывалась мрачная картина беспощадной эксплуатации работниц. Работая по 16—18 часов в сутки, они получали за одинаковый труд в два раза меньше, чем мужчины.

2 марта 1913 года весь номер «Правды» был посвящен женскому революционному празднику. Статьи для номера прислали из-за границы Клара Цеткин и русская революционерка Александра Михайловна Коллонтай, участвовавшая в работе международных совещаний женщин-социалисток.

Задолго до начала митинга зал биржи, рассчитанный на полторы тысячи посетителей, был переполнен. Полиция ровно в час закрыла двери, не пуская опоздавших. На улице и по двору гарцевали на откормленных лошадях полицейские. Пристав сразу насторожился: публика не походила на обычных завсегдатаев словесных диспутов. По худым, измученным лицам, по бедной одежде он видел, что это немущий заводской люд. У многих в петличках раздражающе полыхали кроваво-красные гвоздики.

Свёртка золотыми пуговицами, пристав, словно почетный гость, уселся в первом ряду. Вначале его успокоил привычный для научных утренников интеллигентный облик председателя женского собрания. Это была жена присяжного поверенного М. Янчевская. Но вскоре пристав убедился, что присутствует на крамольном, революционном митинге. Председательница назвала женское рабочее движение «притоком, вливающимся в многоводную реку пролетарского движения и придающим ему силы», и призвала работниц выступить под лозунгом «Пролетарии и пролетарки всех стран, соединитесь!». Женщины одобрительным гулом и громкими аплодисментами встретили бесхитростный рассказ молодой ткачихи Алексеевой о рабском труде русских текстильщиц и речь конторщицы Картечевой о мытарствах русской крестьянки. Не меньший интерес вызвали доклады о развитии капитализма в России, о борьбе за всеобщее избирательное право, о необходимости охраны материнства и младенчества и т. д.

Пристав пытался припугнуть ораторов строгими, начальственными окриками, но на него никто не обращал внимания. Собравшиеся единодушно приняли предложенную Куделли резолюцию: требовать всеобщего избирательного права, чтобы отныне рабочие и работницы сами могли защищать интересы своего класса.

Полторы тысячи петербургских работниц с красными гвоздиками в петличках расходились с «научного утра», как с праздника.

На следующий день организаторов митинга и ораторов арестовали и на две недели посадили за решетку. Но все это казалось лишь мелкими неприятностями в сравнении с огромным успехом собрания. В «Правду» посыпались корреспонденции от работниц Путиловского завода, от красноярских работниц, от екатеринославских модисток, от женщин-ссылных из Енисейской губернии, от слушательниц Варшавских курсов и Высших женских курсов имени Лесгафта, приветствовавших празднование Международного женского дня.

Письмо русским работницам прислал семидесятилетний вождь немецких социал-демократов Август Бебель.

«Я узнал с чувством большой радости, что русские товарищи работницы организовали в России женский день, — писал он. — Я глубоко убежден, что с этих пор русские работницы бодро и твердо пойдут по пути борьбы совместно с русским и всем международным пролетариатом. Братский привет вам, работницы!»

Так пятьдесят лет назад русские женщины впервые отпраздновали свой революционный праздник.

Н. МУРАВИНА

Если ехать от Гомеля по шоссе в направлении Речицы, то вскоре увидишь слева добротные строения колхоза «За Родину», которым руководит Герой Социалистического Труда Полина Никандровна Ковалева. На возгорке возвышается просторное зернохранилище, чуть подальше растянулись кирпичные коровники, навесы для машин, свинарники, птичники.

А немного в стороне, ближе к реке Сож, видны приусадебные сады и высокие тополя, железные и черепичные крыши школ, магазинов, домов колхозников. Почти все постройки новые: только за три последних года отпраздновали в колхозе более двухсот новоселий.

Еще издали у правления замечаю знакомую крепкую фигуру. Увидав меня, Полина Никандровна приветливо улыбается, ласково кивает, и я уже чувствую себя совсем как дома, у матери.

Теплотой, лучащейся из глаз, седыми прядями волос, маленькими натруженными руками Полина Никандровна, видимо, не одной мне напоминает мать. Да что напоминает! Многим осиротевшим, обездоленным войной детям она действительно заменила мать. А скольким людям помогла встать на правильный путь, скольким согрела лаской, подбодрила советом, вдохновила примером!

...Начало тридцатых годов. Юная сельская учительница всем сердцем понимает, что для крестьян вступление в колхоз — единственно верный путь к достатку и счастью. В беседах с односельчанами, на родительских собраниях в школе она горячо ратует за организацию колхоза.

Старые колхозники помнят, как в одной из перепалок разгоряченный Семен Кричевцов испуганно кричал:

— Что ты заладила: колхоз да колхоз? Смотри, чтоб шею тебе не накостыляли! Сиди в своей школе, а в наши дела не лезь.

— Не пугай, Семен. Ты живешь в достатке, тебе голодных не понять. А таких в селе большинство.

— Вот и вступай в этот колхоз, раз он тебе так по душе.

— А что ты думаешь, и вступлю... Вылетело слово сгоряча, но отступить уже было невозможно. Подала Полина заявление в колхоз. Вскоре она стала бригадиром, а спустя некоторое время колхозники избрали ее своим руководителем.

Никогда не забыть Полине Никандровне того собрания... Тускло горели керосиновые лампы с жестяными абажурами, махорочный дым стоял столбом. Полина сидела в углу на широкой, вымытой до желтизны лавке.

Сложные чувства владели ею в тот вечер: радовало доверие односельчан, их уважение, их стремление еще лучше вести хозяйство. Но вместе с тем из головы не выходил вчерашний разговор с мужем. Так и звучало в ушах гневное предостережение Апанаса: «Станешь председателем, уйду. Не нужна мне женка-верховодка. На смех люди поднимут».

«Неужели не смогу убедить Апанаса? Ведь он сам первым председателем комбеда был, призывал жизнь строить по-новому,— думала Полина.— А теперь готов дома чуть ли не крепостное право установить».

Каждой новостройке — электричество.

РУКИ МАТЕРИ

А вокруг гудел народ. Вдруг до слуха донеслось:

— А зараз буде говорить Апанас.

Наступила тишина. Слышно было, как за окнами пошвыстывает ветер, бросая в стекла крупные капли весеннего спорого дождя.

— Опомнитесь, братцы,— звучал низкий, с хрипотцой голос мужа.— Полина-то ведь и с бригадой не справилась: хомуты все порванные валяются, и борны разбиты. Погубит она колхоз.

Апанасу не дали договорить. Собрание зашумело:

— Хватит нести околесицу! Совести у тебя нет!

Полина Никандровна была избрана председателем...

Большого напряжения сил требовало от Ковалевой артельное хозяйство. За детьми маленькими — Тасей и Леной — тоже надо присмотреть, и, разумеется, обед за нее никто не варил и белье не стирал. И везде успевала молодая «председательша», любое дело спорилось в ее не знающих усталости руках.

Вот они, колхозные командиры (слева направо): бригадир Ф. Р. Зайкин, председатель сельхозартели П. Н. Ковалева, агроном-плановик В. А. Фальковская и секретарь парторганизации колхоза А. А. Поташкин.

Фото В. ЯКОВЛЕВА.

Дома, казалось, все было в порядке. Правда, Апанас ходил хмурый, но все же надеялась Полина, что не разрушится семья, что не осиротит Апанас детей,— любит ведь их без памяти. Но она обманулась.

Однажды вечером Апанас снова завел разговор о «верховодстве» жены:

— Как могу я так, пойми. Не уйдешь из председателей — я уйду. Уж лучше учительствуй, коли дома не хочешь сидеть!

Онемела от горя Полина, бессильно опустила на скамью.

— Как же я, Апанас, людей обману? Они меня избрали, а тут вдруг в самом начале дороги я их подведу.

В ответ только хлопнула дверь, прокрипели по снегу тяжелые шаги...

Не знали тогда муж и жена, что эта ссора окажется роковой, что ушел в ту метельную ночь Апанас навсегда. Да и откуда им было знать, что грянет война и закружит все в своем смертоносном вихре! Умирая в госпитале, Апанас прошепчет сестре Ольге, приехавшей навестить его, столь поздно пришедшие покаянные слова: «Правда Поля. Если увидишься с ней, скажи ей и детям, что просил я простить меня».

Далеко от госпиталя была в это время Полина Никандровна. Не слышала она последних слов мужа и узнала о них уже после войны. А тогда, эвакуированная с детьми в Новоосибирск, она заведовала мастерской, где шли обмундирование. Горы полушубков, ватных брюк, гимнастерок перебирали за день ее хлопотливые руки, любовно упаковывая громадные тюки с одним адресом: «На фронт».

Но вот радио принесло ликующую весть: Гомель освобожден! Полина Никандровна немедленно стала собираться в дорогу.

— Куда это вы с детьми? Там еще страшная разруха. Повремените!

И слушать не стала Полина Никандровна.

Нерадостной была встреча с родным селом. Одинадцать раз переходила Давыдовка из рук в руки. Руины и пожара оставили после себя оккупанты.

На другой же день после приезда Полина Никандровна была уже в Гомельском райкоме партии.

— Добрый день, товарищ Ковалева. Очень рады, что приехали. Где бы хотели работать?

— Известно где — свой колхоз поднимать.

— А что, если не только один свой? Бюро райкома, получив вашу телеграмму, решило рекомендовать вас партийной конференции. Как вы смотрите на то, чтобы поработать вторым секретарем райкома?

— Раз я нужна тут, какие же могут быть возражения?

С головой окунулась Полина Никандровна в работу. Хлопотала о приобретении инвентаря для колхозов, добывала лошадей, обращалась за помощью в соседние воинские части. Сотни писем пришлось ей написать в различные организации, направить десятки просьб, побывать во многих семьях погибших воинов.

Но были случаи, когда Ковалева, несящая людям столько добра, становилась непреклонно суровой.

Так, однажды Полина Никандровна проверяла семенные фонды колхозов. Оказалось, что в ее родной Давыдовке семян на посев не хватает. Как выйти из положения? Среди народа ходили слухи, что у некоторых крестьян, умевших ладить с оккупантами, есть излишки зерна.

Полина Никандровна пошла вместе с колхозными активистами к одному из таких — Даниле Дубоделову. Долго уговаривали его дать зерна взаймы, выручить хозяйство до урожая.

— Нет у меня, — упрямо твердил старик.

— А если поищем?

— Ищите, толку не будет.

Хоть и неловко чувствовали себя активисты, но решили искать. И каково же было удивление всех, когда в углу, под половицами, были обнаружены шестьдесят пудов отборнейшей пшеницы!

Постепенно налаживалась жизнь. На западе еще гремели орудийные залпы, а на освобожденной земле появились первые новые дома, вызрели первые урожаи. И все эти приметы возрождения звучали радостной музыкой в душе хлебоборода Ковалева. Не раз просила Полина Никандровна отпустить ее на работу в родной колхоз, но обстоятельства складывались так, что не сразу пошла ей навстречу. Вторичное избрание на пост председателя состоялось лишь в 1952 году. Вернулась Полина Никандровна в Давыдовку, и потекли дни, месяцы, годы, насыщенные новыми заботами.

С каждым годом все больше крепло хозяйство, раздавалось оно и вширь: к Давыдовке присоединились деревни Уза, Сосновка, Лещенец, Осовцы. Сегодня колхоз «За Родину» гремит по всей Белоруссии. Да и за пределами республики и нашей страны многие знают об этом замечательном хозяйстве и его руководителе. Полина Никандровна Ковалева избрана членом ЦК Компартии Белоруссии. Не раз ездила она в составе советских делегаций за границу.

Но, несмотря на высокие звания и награды, для односельчан, для соседей и товарищей по работе остается Полина Никандровна все той же простой, скромной, заботливой, а когда нужно — и матерински строгой.

Мать... Каждый человек может рассказать о своей матери много теплого. Точно так же, когда говоришь с людьми о Полине Никандровне, каждый вспоминает что-то свое.

Агриппина Степановна Лозовская, например, рассказывает о свадьбе своей дочери Зины:

— Век не забуду я этой свадьбы. Почти сразу после войны дело было. В хате только картошка да немного пшена. Корова как на грех в запуске. Какое там гостей принимать! Вот хожу я да слезы украдкой утираю. Знаете ведь, свадьба у человека один раз в жизни бывает. Обидно, что не могу ничем отметить дочкин праздник. И помню, пришла ко мне Полина, спрашивает, правда ли, что Зина утром распилась и буду ли я вечер какой справлять. Ничего не утаила я от нее. Выслушала — и прямо к себе повела. Сала дала, головку телячью, последнюю муку высыпала, денег — сколько было. Да еще посоветовала, как что подавать. Знала я, что от своих же ребят

Полина отрывает, да разве переубедишь ее!

Рассказывали мне и о том, как в трудные годы, случалось, вместе со всеми вставала Полина Никандровна на скирдование сена, дотемна не уходила домой с уборки картошки.

А пожилому колхознику Назару Авраменко запомнилось, как прошлой осенью Ковалева заставила его передельвать растрепанные скирды.

«Небось, во дворе такое пугало не поставил бы», — упрекнула. Не отстала, пока не переложил скирды.

Что ж, и такое бывает. Только обижаться на Полину Никандровну невозможно: не помнят за ней люди несправедливости...

Мы сидим в небольшом уютном домишке Полины Никандровны. Ровно шумит самовар. Мягкий свет падает на стол, уставленный нехитрой домашней стряпней.

Зашли на огонек пожилые колхозницы — подруги Полины Никандровны Наталья Злотникова, Агриппина Лозовская, Галина Хомченко. Медленно течет беседа. Им есть что вспомнить, этим в досталь потрудившимся на своем веку женщинам. Не баловала их жизнь — провела через войну, оставила с детьми без мужской поддержки.

И смеются и перебивают друг друга седеющие подруги, а то и всплакнут... Обо всем рассказывают они, хваляться письмами детей: Наталья Злотникова только что получила весточку от дочери-учительницы, сын Галины Хомченко плавает на пароходе капитаном, а у Полины Никандровны сынок дальше всех — дипломатом стал.

Полина Никандровна гостеприимно разливает чай. А за стеной слышится детский голос:

Скоро звезды тихим светом

Упадут на дно реки.

Я прощаюсь с теплым летом

Без печали и тоски.

Это внучка Леночка учит стихотворение. Что-то поздновато она не спит сегодня: бабушка, видно, недоглядела.

Звонит телефон. Легкой походкой хозяйка дома подходит к письменному столу:

— Директор «Гомсельмаша»? Да-да, интересовалась. Комбайн этот проходил испытание в нашем колхозе. Вы знаете, сплю и во сне вижу, чтобы скорее в серийное производство эта машина пошла. До чего хороша! Очень удобно, что машине нет нужды ходить за комбайном по полю: бункер вырывает. К тому же комбайн может убирать свекольную и картофельную ботву. Мы двумя руками за!

Я гляжу на доброе лицо Полины Никандровны. Оно смотрит на меня и со снимка, что висит на стене. Снимок сделан на праздновании 50-летия Международного женского дня. Полина Никандровна — рядом с Никитой Сергеевичем Хрущевым. В руках у нее букетик цветов, подаренный ей главой правительства.

И я подумала: как идут эти цветы славному облику Полины Никандровны, как бережно держат этот букетик ее, казалось бы, огрубевшие и все-таки нежные руки, руки матери!

А. ХАРИТОНОВА

Гомельская область,
Белорусская ССР.

ние делала мелко, второе — уже поглубже. Тщательно подбирала трактористка инвентарь: для мелкого рыхления брала односторонние лапы-бритвы, для последующей обработки — стрельчатые и долотообразные лапы, отвалыные культиваторы.

Председатель согласился с предложением агронома.

— Кого из механизаторов дать тебе в помощники? — спросили Марию Гавриловну.

— Никого, пожалуй, не нужно.

— Как никого? Огород ведь не маленький — пятьдесят гектаров.

— Справлюсь, — ответила Мария. — Вот только трактор «ДТ-20» нужно обеспечить полным комплектом навесных орудий.

Кушнеренко не бросается словами: изо дня в день она перевыполняла нормы. С помощью механизации огородная бригада стала получать на 50—70 центнеров капусты, помидоров, огурцов, моркови с гектара больше, нежели раньше.

Но вырос не только урожай. Ощутимо снизились затраты: раньше на огороде было занято сорок человек, а теперь их осталось втрое меньше.

* * *

Есть в характере Марии Гавриловны одна примечательная черта — неутомимость.

Казалось бы, вполне достаточно даже для очень опытной трактористки работы на пятидесятигектарном огороде, а Мария Гавриловна неожиданно для всех стала еще и кукурузоводкой. Пришла она как-то в правление.

— Думаю взять на себя участок кукурузы.

Председатель опешил:

— Огород уже надоел?

— Да нет, хочу попробовать совместить.

Так Мария Гавриловна взялась выращивать еще пятнадцать гектаров кукурузы. Свое рабочее время распределяла она по твердому графику, заранее составленному на год. И не было случая, чтобы подвел ее трактор. Хорошо присмотренный, он работал безотказно.

Когда на полях закончилась страда, колхозники сельхозартели «Запорожец» с радостью узнали, что Мария Кушнеренко сняла самый высокий урожай кукурузы в хозяйстве — почти по 50 центнеров сухого зерна с гектара.

Среди механизаторов колхоза Мария Гавриловна пользуется всеобщим уважением. И это не удивительно: все, что знает и умеет опытная трактористка, она старается передать товарищам. Скольких механизаторов она воспитала! Если вспомнить всех, то получится, наверное, целая тракторная бригада.

Вот, к примеру, Николай Крихивский, четыре года проработавший у Кушнеренко прицепщиком на тракторе «ХТЗ-7». Теперь он уже самостоятельно работает на этом тракторе. Марии Гавриловне не приходится краснеть за ученика.

За двадцать пять лет работы Мария Гавриловна основательно, до тонкости изучила тракторы различных марок. Может быть, кто другой на ее месте и успокоился бы, почил на лаврах, но Мария Гавриловна не из таких. Ее всегда можно увидеть и на занятиях технического кружка и в колхозной библиотеке.

Во время последней переаттестации Марии Гавриловне присвоена квалификация тракториста первого класса. Механизаторов с такой квалификацией в колхозе всего четыре.

Казалось бы, должна она радоваться, что оставила позади себя многих. Но это ее тревожит. Нужно поднимать общий уровень.

И вот Мария Гавриловна вместе с трактористами Ильей и Василием Клименко, Петром Бьюниковым решила взять шефство над молодежью. В поле, в мастерской не спеша, терпеливо опытные механизаторы советом и делом помогают новичкам.

И не только правильному уходу за машиной и эксплуатации ее учит молодых трактористов Мария Гавриловна Кушнеренко. Она учит их быть хозяевами колхозной техники.

Г. ДОРОЩЕНКОВ

Колхоз «Запорожец»,
Червоноармейское производственное управление,
Запорожская область.

«Крестьянка» № 3.

СВОБОДА

ПО-АМЕРИКАНСКИ

Я не застал начала этой телевизионной передачи. Но смеющиеся друг друга кадры поразили меня своим драматизмом.

...Тесноватый, до отказа набитый людьми зал. Присутствующие — в основном женщины. Многие держат на коленях маленьких детей. Женщины что-то гневно кричат, размахивают руками. Вот одна из них поднялась и пошла с букетом цветов через весь зал к пожилой худощавой женщине, стоящей за барьером.

— На скамье подсудимых — домохозяйка из Нью-Йорка Бленч Познер, — объясняет происходящее диктор.

Постойте, значит, перед нами подсудимая? Какое же преступление совершила она? Посягнула на чью-то собственность или жизнь?

Да нет, ничего похожего! Бленч Познер обвиняют в том, что она является... участницей движения «Женщины, боритесь за мир!». Оказывается, движению, насчитывающему сегодня более ста тысяч участниц, вменяют в вину не больше, не меньше, как антиамериканскую деятельность.

— Я не понимаю, почему меня здесь допрашивают, — говорит миссис Познер, открыто глядя на судей. — Движение «Женщины, боритесь за мир!» возникло стихийно. Американские женщины-матери хотят своими действиями сохранить мир от разрушений.

Председательствующий на суде конгрессмен Клайд Дойл застучал молотком, пытаясь прервать речь Бленч Познер. Но она бесстрашно продолжала:

— Во время завтрака матери видят не только молоко, но и стронций-90, и они боятся за здоровье своих детей. Каждое ядерное испытание ведет к появлению уродов, к рождению мертвых детей, к заболеваниям раком...

Судья не дал ей договорить. Пресловутая американская «свобода слова» на этот раз почему-то обеспечила свободу только одной стороне...

Уж что-что, а «свободу» граждан государства, именуящего себя страной истинной демократии, вашингтонский процесс продемонстрировал предельно ярко. Нужно отдать должное устроителям этой зловещей комедии — перед противостоительностью и нелепостью ее меркнут даже такие недавние события, как позорное судилище над виднейшими деятелями Компартии США и прогремевшая на весь мир «операция Меридит». Там хоть было ясно, за что преследуются люди: коммунисты — за «красные идеи», за верность принципам марксизма-ленинизма; Джеймс Меридит — за то, что, родившись с черной кожей, осмелился переступить порог

университета в штате Миссисипи, который за сто лет не переступил ни один негр.

Суд же, организованный в Вашингтоне, с самого начала выявил полную свою бессмысленность. Действительно, разве не покажется каждому здравомыслящему человеку нелепым то, что пропаганда мира, забота о счастливым будущем детей, о лучезарном завтра нашей планеты рассматривается как отсутствие патриотизма, результат «проникновения красных идей»?

Все новые и новые участницы движения сменяются на скамье подсудимых. Провокационными вопросами судьи пытаются запугать женщин. Они требуют, чтобы те доносили друг на друга.

Но женщины стойко выдерживают изощренный допрос. Айрис Фрид, мать двоих детей, решительно отказалась отвечать суду. Председательствующий Клайд Доил буквально вышел из себя. Он угрожал Айрис уголовной ответственностью за «неуважение к конгрессу», но все равно не смог добиться ни слова.

— Преследуя нас за участие в движении, вы наносите огромный ущерб нашей стране,— с достоинством заявила пожилая домохозяйка из Чикаго Элизабет Мус.

А одна из инициаторов движения, Дагмар Вильсон, на вопрос судьи: «Собираетесь ли вы убрать из ваших рядов коммунистов?» — ответила:

— Конечно, нет. Мы принимаем всех и будем рады, если в борьбу за мир включится весь мир.

Слова Дагмар Вильсон вызвали аплодисменты...

Смотришь на гневные лица простых американских женщин — и восхищаешься их мужеством, их готовностью преодолеть любые преграды в борьбе за свои права и идеалы. За такую демонстрацию единства в стремлении к миру можно только поблагодарить устроителей процесса.

Постыдный процесс провалился. Никаких «улик», подтверждающих руководство движением коммунистами, получить не удалось. Напротив, в пылу допросов судьи выболтали и

газеты печатали в самых укромных уголках, далеко позади сенсационных описаний «высококвалифицированных» краж и хроники «высшего света». Передачи телевидения не прерывались для этих сообщений, как, например, для рекламы новейшего мыла или модных чулок.

И все же не удалось заглушить мощную волну протеста, прокатившуюся по всей стране.

После процесса в миролюбивое движение американских женщин влились новые силы. Женщины прошли с плакатами и лозунгами перед Белым домом. Они напечатали обращение, в котором писали: «Мы считаем, что нужно расследовать не нашу деятельность, а деятельность тех, кто с хладнокровием сумасшедших пытается примирить нас с мыслью о неизбежности гибели. Мы считаем, что поиски мира есть проявление высшего патриотизма, в особенности сейчас, когда судьбы человечества зависят от нажатия кнопки»...

Выступает домохозяйка из Нью-Йорка Бленч Познер.

те сведения, которыми располагали. А сведения эти показывают, что за всеми американскими прогрессивными организациями и лицами установлена самая тщательная слежка.

Незадачливые конгрессмены всеми силами пытались смазать впечатление от своего провала. Сообщения о процессе

Когда я смотрел телевизионную передачу о процессе, читал сообщения о нем в газетах, мне невольно приходила на память встреча с делегацией американских женщин, гостивших в Советском Союзе.

Встреча эта произошла в сентябре минувшего года в Баку. Я много беседовал тогда с американками, ездил вместе с ними на нефтяные промыслы, в колхозы, школы.

Разные люди были в составе делегации: общественные деятельницы и домохозяйки, служащие и представители деловых кругов. Разными были и разговоры. Порой приходилось наталкиваться на настороженность, на недоверие к нашему народу, на вежливое, но настойчивое противопоставление буржуазных «свобод» нашей.

Слова в таких спорах значат немного. Гораздо больше весят факты. Разве в социалистической стране могло произойти что-нибудь, хоть отдаленно напоминающее описанный выше процесс в Вашингтоне? Разве у нас могут посчитать за преступление борьбу за мир?

Напротив, в нашей стране принят специальный закон, карающий как тяжчайшее преступление пропаганду войны, проповедь господства одной нации над другими.

Я не знаю, были ли мои знакомые на процессе. Но хочется верить, что он дал им повод для размышлений.

Кадры из телевизионной передачи.

МИССИС БИННЗ

Лен УИНКОТТ

Рисунки Ю. ПОЛИВАНОВА.

Рассказ

Наша улица — одна среди тысячи таких же темных и узких ущелий. По обеим сторонам ее громоздятся серые стены, покрытые сажей. Небо здесь проглядывает лишь узенькой полоской. На веревках, перекинутых через улицу, будто сигнальные флаги на изъеденном ржавчиной, избитом бурями бродячем судне, сушатся белье с грязно-желтыми подтеками и многочисленными заплатами.

На булыжниках мостовой, которых никогда не достигает солнечный луч, затхлая сырость мешается с запахами вареной капусты и рыбы, жареной картошки. Безработные, собираясь вместе, без конца спорят, ставя случайный шестипенсовик на любую возможную комбинацию: выигравший может получить несколько шиллингов, чтобы накормить детей. А их на нашей улице хоть пруд пруди.

Так выглядит наша улица. По крайней мере так она выглядела, пока не появилась миссис Биннз. Однажды утром, сразу же после того, как дети разошлись по школам, эта женщина появилась в компании двух молодых. Она поставила на самой середине улицы ящик из-под мыла и начала говорить речь. Надо сказать, мы, рабочие люди, не приходим в особый восторг при виде этих «трупобных» экспедиций, которыми время от времени любят поразвлечься богатые бездельники. Но на плакатах, которые высоко поднимали парни, было написано: на одном — «Создавайте ваш комитет защиты жильцов», а на другом — «Крысы обойдутся без квартплаты». Это было по-нашему. Понимай, как знаешь, кто здесь крысы: домовладелец или четвероногие, ногами скачущие по нашим кроватям.

Миссис Биннз не проговорила еще и десяти минут, как мы начали подтягиваться поближе к ее ящику. Вскоре мы уже подмигивали друг другу, совсем как в мюзик-холле, когда выступает первоклассный артист.

Женщина взглянула прямо в лицо Джо Гриммсу, который жил в том же доме, где родилась его бабка, и сказала ему так, будто знала его всю жизнь:

— Джо, сколько ты платишь в месяц за свою дыру?

Джо, никогда не говоривший больше двух слов зараз, ответил ей в трех.

— А теперь, — заявила она, — давайте считать.

И когда она посчитала, то оказалось, что Джо уже заплатил хозяину дома в пять раз больше, чем стоит его дыра.

Когда женщина закончила, мы хлопали ей больше, чем хлопали бы голу, забитому нашей местной командой. А она обвела нас спокойным взглядом и спросила:

— Вопросы есть?

Эта плохо одетая женщина маленького роста с неопределенного цвета

волосами и очками в стальной оправе на носу стояла на своем ящике, как королева.

Она еще раз спросила, нет ли вопросов, и тогда Джейк Хаккет, вла-

делец продовольственной лавки, разинул свой рот и, ухмыльнувшись, заорал:

— Есть вопрос. Сколько ребер у обезьяны?

Он даже оглянулся по сторонам, будто хотел сказать: «Ну, разве я не остроумнейший парень?» Но женщина отпарировала с быстротой молнии:

— А ты задери свою рубашку и посчитай.

Пасть Джейка разинулась и захлопнулась раз пять, как у рыбы на берегу, а по нашей улице прокатился презрительный хохот. Джейк втянул голову в плечи и убрался восвояси, бормоча угрозы, что, мол, заставит нас смеяться по-другому, когда мы придем к нему покупать в кредит.

Так окончился день. Женщина и ее спутники пожимали нам руки и обещали снова прийти завтра.

Когда на следующее утро миссис Биннз со спутниками показалась на нашей улице, мы ее уже ждали. Один из наших парней встретил ее на полпути и, приподняв шляпу, как киноролей, взял у нее ящик. Он поставил его точно на середине улицы и попробовал, твердо ли стоит. Миссис Биннз сразу же взялась за организацию комитета защиты жильцов.

Бывает страшно обидно, когда понимаешь, что, хотя ты умеешь и пи-

сать и читать, ничего, кроме этого, бесплатное обучение тебе не дало. Именно в этом мы убедились, когда стали выбирать председателя комитета. Наконец кто-то предложил кандидатуру учителя, который жил на нашей улице. Это Гровер Уэйн, негр. Он снимает одну из наших каморок, потому что в районе, где живут белые учителя, никто не сдал бы квартиру цветному.

Миссис Биннз руководила всеми нами, шестью мужчинами и шестью домохозяйками во главе с Гровером, как прирожденный генерал. На нашей улице пока еще никого не пытались выселить, но к нескольким семьям гроза приближалась. Миссис Биннз заявила, что мы должны думать не только о своей улице.

— Если мы остановим выселение на любой из улиц, — сказала она, — мы нанесем поражение грабежу в виде квартирной платы везде.

Через несколько минут мы уже шли за ней через путаницу одинаковых улиц к такому же, как наш, кварталу. Свернув в него, мы сразу поняли, что происходит. Судебные исполнители вытаскивали из квартиры на первом этаже жалкое подобие мебели. У дверей стояла худая седоволосая женщина, за ее передник ухватились четверо детей. По впалым щекам женщи-

ны катились слезы. Вокруг собралась хмурая толпа соседей. Миссис Биннз установила свой ящик из-под мыла и, не обращая внимания на исполнителей, обратилась к толпе. Ее речь была короткой и резкой.

— Вот что. Мы должны остановить это выселение. И сейчас же. А то завтра окажемся на улице сами.

Она прыгнула с ящика, выхватила из рук одного из исполнителей стул и, высоко подняв его над головой, бросилась к двери. Тот, разозлившись, схватил ее одной рукой за плечо, а другой выбил стул на землю.

— Эй ты, убирайся отсюда ко всем чертям, а то я живо разукрашу тебе физиономию!

Он замахнулся на миссис Биннз кулаком. Но она, опередив его, пнула

женного провода, и на секунду мы подумали, что ей плохо. Но она, вздохнув, тихо сказала:

— Если бы они только знали, какая я трусиха. Да мне было страшнее, чем этому мухам засиженному агенту. Вы только поглядите, как я дрожу.

Полисмены и владельцы домов никогда не уступают без боя. Надо быть начеку. Мы это знали, и все-таки приказ о выселении Гровера был для нас неожиданным. Миссис Биннз появилась на нашей улице с обычной быстротой.

— В чем дело? Выкладывайте, что случилось?

Гровер сунул ей приказ и замер в ожидании. Она быстро скользнула по листу глазами, и с ее губ сорвалось крепкое мужское словечко. Она вер-

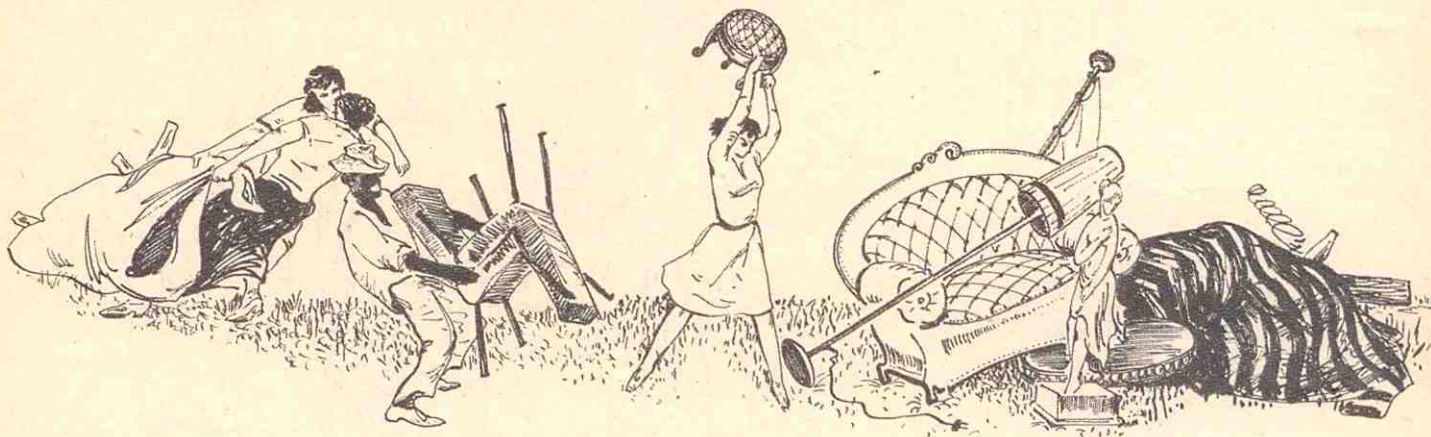
эти типы проберутся через первые баррикады, пускайте на них бочки. Ясно?

— Конечно, — хором ответили мы.

— Джим, идем, — позвала она меня. — Теперь они справятся без нас. А нам с тобой нужно собрать женщин.

Заботы и страдания провели на лицах наших жен преждевременные морщины, их тяжелые, налитые груди вскармливали одного ребенка за другим, а их крепкие руки и жесткие ладони привыкли совершать чудеса экономии и бережливости.

Собравшись на улице, они выглядели как отряд фронтовых медсестер, отправляющихся на ничью землю, чтобы притащить оттуда раненых. Я замыкал отряд. Миссис

ему в голень острым носом туфли так, что этот тип заскакал на одной ноге. Прежде чем он успел броситься на миссис Биннз, мы окружили его, и, выпрямившись, он увидел, что прямо в лицо ему смотрят спокойные темные глаза Гровера Уэйна. Гровер был не ниже его, только вдвое сухощавее и подвижнее. Парень начал было ругаться, но Гровер прервал его спокойным замечанием: «Джентльмены не применяют силу в обращении с леди».

Парень повернулся и отошел к своим товарищам, которые стояли в стороне и смотрели, как толпа вносит мебель обратно в квартиру.

Гораздо быстрее, чем я рассказываю, мы вселили семью обратно. Затем миссис Биннз, возглавив делегацию из трех человек, в которую, помимо нее, вошли Гровер и я, двинулась в контору агента.

Агент, маленький человечек с лицом хоряка, чрезмерно страдающий, судя по его виду, от злой жены в сочетании с тещей, затрясся от испуга при приближении миссис Биннз. Она начала говорить прямо с порога, будто расстреливая его из автомата:

— Ну-ка, позвоните владельцу дома. Быстро! Скажите ему, чтобы он отменил приказ о выселении. Поживее! Если он этого не делает, мы устроим забастовку квартиросъемщиков по всей улице, и ему будет хуже.

Когда через четверть часа мы ушли из конторы, миссис Биннз неожиданно передернулась и, прислонившись к кому-то из нас, издала громкое «фу-у...». Ее рука тряслась, как будто она дотронулась до обна-

нула приказ Гроверу и, бросив нам: «Идите за мной!» — рванулась вперёд.

Гровер жил на десятом этаже, в получердачной квартире, к которой вела узкая винтовая лестница. Прежде чем мы одолели половину лестницы, большинство из нас совершенно запыхалось и надеялось только на то, что миссис Биннз остановится передохнуть. Но она мчалась дальше на той же скорости. Наконец у двери квартиры Гровера она остановилась.

— Сюда, — показала она нам, — мы притащим все, во что можно наливать воду. Давай, Гровер, вытаскивай детские ванны, тазы, миски и наполняй их водой. А потом ставь сюда.

Мы с готовностью бросились выполнять ее распоряжения. Она обернулась к окну и выглянула наружу. Внизу, во дворе, была навалена целая куча пустых бочек.

— Тащите сюда эти бочки.

Бочки были доставлены на десятый этаж. Миссис Биннз побежала вниз.

Вскоре мужчины, женщины, дети волочили по нашей улице обломки старой мебели, коробки, кровати. Ни в одном улье нельзя было бы увидеть такой активной деятельности, как здесь. Появился Джо Гриммс, волоча за собой громящую кучу старых матрасных пружин. Мы помогли Джо втащить ее в первый пролет. А он всю дорогу бормотал:

— Совсем как на фронте, ну, совсем как на фронте.

Миссис Биннз скомандовала:

— Теперь все мужчины отправляйтесь на верхнюю площадку. Когда

Биннз предупредила, что я понадобится, чтобы стоять на страже. Я не понял, что она под этим подразумевала. Сворачивая на боковую улицу, мы увидели мчавшиеся на полном ходу полицейские автомобили. Моментально выстроившийся отряд полисменов двумя колоннами двинулся к нашей улице, и через мгновение грохот в нижней части лестницы, ведущей в квартиру Гровера, возвестил, что сражение началось. Мы слышали резкие свистки полисменов, вопли, стоны и даже визг. Из двери выскочил исполнитель, с которого стекала какая-то жидкость. Из окон летели мусор и обломки матрасов, отмечая медленное продвижение атакующих сил вверх по лестнице.

Неожиданно одна из наших женщин, мать восьми детей, не считая пяти других, давно лежавших в могилках, вздрогнула.

— Господи Иисусе, — выдохнула она, указывая на короткого, толстенького человечка. — Это же наш домовладелец. Эта скотина лет пять не появлялась поблизости.

На главной улице мы сели в автобус. Он выехал из района нищеты и через некоторое время достиг той части города, где нет домов без садов и гаражей. В каждом доме здесь два входа: один парадный, весь из стекла и резного дуба, с полированной бронзовой табличкой, на которой написано имя хозяина дома, а другой — для слуг.

С помощью носового платка и слюны нам удалось удалить с лица миссис Биннз грязь. Кто-то достал кусок обломанного гребня, чтобы привести

в порядок ее волосы, и к тому времени, когда мы выскочили из автобуса, она выглядела достаточно хорошо, чтобы получить доступ с парадного подъезда. Мы ждали на углу, спрятавшись за деревьями, которые росли по обеим сторонам дороги. Мы видели, как она позвонила, как служанка, такая же круглая, как домовладелец, открыла дверь. Миссис Биннз что-то сказала ей, и служанка исчезла. Она появилась через минуту в пальто и побежала к автобусу. Мы знали, что домовладелец живет один, так что путь был открыт, и мы ворвались в дом. Наши женщины вытаскивали тяжелую мебель, сваливая ее на лужайке перед домом. Большой сад и высокая изгородь из тиса скрывали нашу деятельность от любопытных глаз. Хорошо воспитанные леди и джентльмены, живущие на этой улице, считали ниже своего достоинства подглядывать за соседями. Все же растущая груда мебели на лужайке привлекла их внимание. И они вскоре образовали небольшую толпу нерешительных наблюдателей, недоумевающих, в чем, собственно, дело. Как раз в этот момент мы решили, что сделано, пожалуй, достаточно. Мы опустошили две комнаты. Прежде чем покинуть это место, миссис Биннз написала мелом на крышке обеденного стола: «А самому тебе это нравится?» — и водрузила ее на кучу выброшенной мебели.

Когда мы вернулись на нашу улицу, битва там уже была окончена. Джентльменистые соседи нашего домовладельца уже наверняка оборвали все телефоны: в панике они позвонили и в полицию и в газеты.

Хозяин получил это известие как раз в тот момент, когда полицейские и исполнители добрались до восьмого этажа и наши ребята на десятом начали скатывать на них бочки. Хозяин сразу остановил выселение, и единственное, что смогли сделать полицейские, — это забрать для спасения чести мундира пару наших ребят.

За миссис Биннз они потом явились целым отрядом. И она пошла с ними без всякого страха. А на суде, когда ей дали шесть месяцев тюремного заключения, она стояла с высоко поднятой головой и выражением ледящего презрения на лице.

Мне пора торопиться с концом моей истории, потому что ребята меня попросили занести кое-что миссис Биннз. Немного, но все равно ей это будет приятно.

Перевел с английского
Т. АЛИБЕКОВ.

«ПРОБУЖДЕНИЕ».
Фото В. ЛЕБЕДЕВА.
Станция Менделеево,
Пермская область.

«КОГДА ВЗУКИ В ШКОЛЕ».
Фото С. ДМИТРИКОВА.
г. Слободской,
Кировская область.

«ПЕРЕД ВЫХОДОМ НА СЦЕНУ». На снимке: участницы художественной самодеятельности Белебеевского Дома культуры Алла Муравцева, Луиза Вафина и Земфира Гизатуллина.

Фото
А. СЫРОВАТСКОГО.
г. Белебей,
Башкирская АССР.

**УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА РСФСР О НАГРАЖДЕНИИ
МЕДАЛЬЮ «ЗА ОТВАГУ НА ПОЖА-
РЕ» КОЛХОЗНИЦ КОЛХОЗА «ПОБЕ-
ДА», КАДУЙСКОГО РАЙОНА, ВОЛО-
ГОДСКОЙ ОБЛАСТИ**

За отвагу и самоотверженность, проявленные при спасении колхозного скота во время пожара, наградить от имени Президиума Верховного Совета СССР медалью «За отвагу на пожаре»:

1. Елесину Пелагею Степановну.
2. Корнилову Прасковью Ивановну.

Заместитель Председателя
Президиума Верховного Совета
РСФСР

В. ДЗНАГОВ.
Секретарь Президиума
Верховного Совета РСФСР

С. ОРЛОВ.
Москва, 22 сентября 1962 года.

Пелагея
Степановна
Елесина.

Последнее дело жизни

Прасковья Ивановна Корнилова.

расходившегося ветра дым обернулся языками жаркого пламени. А еще через минуту начал дымиться коровник: огонь перекинулся на него.

Понеслась по селу весть о беде. В телятнике, занятые делом, еще ничего не знали, не слышали шума на дворе, не чувствовали гари. А на пожар бежали люди. И почти первой среди них — телятница Прасковья Ивановна Корнилова, подруга Пелагеи Степановны. Она не прикидывала, что-де и без нее обойдутся. Она спешила помочь: не чужим, не безразличным было ей колхозное добро.

Мать с дочкой удивились, когда Прасковья Ивановна, запыхавшись, вбежала в телятник: ее питомцы содержались на другом дворе. Да к тому же сегодня она отдыхала.

— Тебе что, дома не сидится? — спросила Пелагея Степановна.

— Горим, Палаша! — тревожно бросила Корнилова. — Давай, голубка, телят скорей выгонять. Как бы с коровника сюда огонь не перекинулся. Ветер-то к нам.

Палаша успела строго, как никогда, прикрикнуть на дочку:

— Уходи, Римма, быстро!

И принялась за дело.

Шестидесят четыре теленка топтались в разгороженных клетях. Открыть клетки, вытолкать упирающихся малышей, подогнать к выходу. Батюшки, как просто это было всегда и как трудно сейчас!

В телятник вбежал колхозник Павел Ильич Приемышев и кинулся помогать женщинам.

Огонь уже охватывал телятник.

— Торопись, бабы! — силился пере-

кричать шум Павел Ильич. — Нужно уходить!

Задыхающиеся от дыма женщины не помнили о себе. Так в бою, защищая Родину, забывает об опасности солдат. Так входит в чумной барак врач, пренебрегая возможностью заражения. О чем думали они в эти минуты? Только об одном — спасти телят. За этим стояла сейчас вся их жизнь, ее заботы, горести и радости, ее смысл.

Павел Ильич, разбежавшись, выбил плечом оконную раму.

— Паша! — хрипло крикнул он. — Беги!

И успел расслышать ответ:

— Погоди. Тут еще телята...

Павел Ильич выпрыгнул во двор, и тут же за его спиной рухнула пылающая крыша.

А еще через мгновение, как-то пробившись во двор, вся как факел, вбежала Пелагея Степановна.

— Спасайте Пашеньку! — крикнула она.

Это были ее последние слова. Умерла она в больнице.

Тело Прасковьи Ивановны Корниловой смогли достать, когда далеко за телятником, в поле, догорала трава.

Женщины успели спасти от гибели 28 телят. Таким было последнее дело их долгой трудовой жизни.

Чем больше вдумываешься в смысл этого подвига и в повседневные их дела и поступки, тем сильнее убеждаешься — между ними глубокая связь: подвиг подготовлен всей на первый взгляд бесхитростной жизнью.

Были они удивительно не похожи одна на другую. Хотя, как станут вспоминать односельчане, как начнут описывать, выходит, вроде были они на одно лицо. У обеих волосы русые, глаза серые, росточком невелики.

Только у Пашеньки — так до сих пор называют Прасковью Ивановну Корнилову — взгляд побоевнее, оттого и глаза будто потемнее. А Палаша — это Пелагея Степановна Елесина — та тиха, что трава на рассвете, и будто светлее вся.

Но в одном сходились они полностью: одинаково преданно отдавались работе в колхозе, одинаково самозабвенно, одинаково бескорыстно и честно. И Прасковья Ивановна Корнилова и Пелагея Степановна Елесина больше чем по пятнадцати лет работали в животноводстве: в овчарне, в коровнике. А последнее время обе были телятницами. Трудные выпадали годы — от холода страдала скотина, от бескормицы, а то и от бесхозяйственности, нерасторопности. Есть, к примеру, корма, да не подвезены вовремя.

— Да что ж это такое, батюшки! — по-детски беспомощно разведет, бывало, руками Палаша.

А Пашенька подберется вся, приосанится и в правление.

— Чтоб я вместе с телками подошла! — начинала она, не подбирая выражений. — Что хотите со мной делайте, как хотите выкручивайтесь, а концентраты давайте!

Она не оставляла в покое ни председателя, ни заведующую животноводством. И добивалась своего.

— И ты не ходи сиротой казанской, — наставляла Пашенька Палашу.

Работали много. Иной раз и без выходных. Радовались, если удачно переживали зиму их питомцы, если они хорошо прибавляли в весе. Все помыслы, все время и силы отдавали делу.

В последнее время, бывало, ждет Пашенька сына Леву из Ленинграда в отпуск. А придет он, ей и наглядеться-то на него недосуг.

— Ох, поговорить с тобой хочу, сынок! — скажет она и тут же добавит: — Сейчас-то не время. Побежала я. Да и ты крышу бы посмотрел, в спальне у меня потолок вроде прет... Знаешь ведь: домашняя забота тебя год стерегла.

А придет на ферму, позавидует Палаше:

— Твоя-то девка все при тебе.

Римма, Палашина дочка, и впрямь подрастала на ферме. Чуть в школе последний звонок отзвонит, она уже тут как тут. Видит, как хлопочет мать, и сама кидается помогать.

— Мам, давай я.

С трудом прогонит ее Палаша домой делать уроки.

А дома, за чаем, в короткие перебивы между хлопотами, любила мать рассказывать дочке о войне, об отце. Показывала медали, которыми была награждена она, фронтовая санитарка.

Негромкие торжества этих женщин, их праздничное настроение так или иначе тоже всегда связаны были с колхозом.

До последнего времени, до тех пор, пока не стал понемногу набирать силы колхоз, нелегко жилось Прасковье

Ивановне Корниловой. Но вот раз, другой, третий от полочки к полочке стали у нее оставаться деньги. И какая же, бывало, помолодевшая, озорная вбегала она вдруг в дом к соседу своему Павлу Алексеевичу Наумову!

— Хозяйка, хозяин, за вами я! — начинала приподнято с порога и тут же сбивалась: — Занавески я купила. Повесила уж. Не одной же мне любоваться. В гости зову.

И потом подолгу поила гостей чаем из нового самовара, щедро потчевала вареньем, как всегда, горячась, обсуждала разные разности. Кстати, потолковать с ней, посоветоваться любили многие: знали, выслушает она, рассудит, а по селу «не понесет», так в себе и схоронит.

Бывало, и Пелагею Степановну Елесину вдруг встретят соседи необычную: принаряженную, строгую. Так отправлялась она обычно на правление колхоза или в район, на слет передовиков. Шла она тогда по селу, будто стесняясь своей нарядности. Но была в ее походке и торжественность и скрытая радость. Возвращалась Палаша с премиями: то с отрезком на платье, то с грамотой. И не-

задолго до гибели, тринадцатого мая, видели Палашу счастливой. В этот день она надела на руку своей дочке изящные часики. Римме исполнилось шестнадцать.

Вот так они жили, две русские женщины, делившие со своим народом и труд и радости. В этом черпали они и силу, и вдохновение, и счастье. За это в трудную минуту они не пожалели себя.

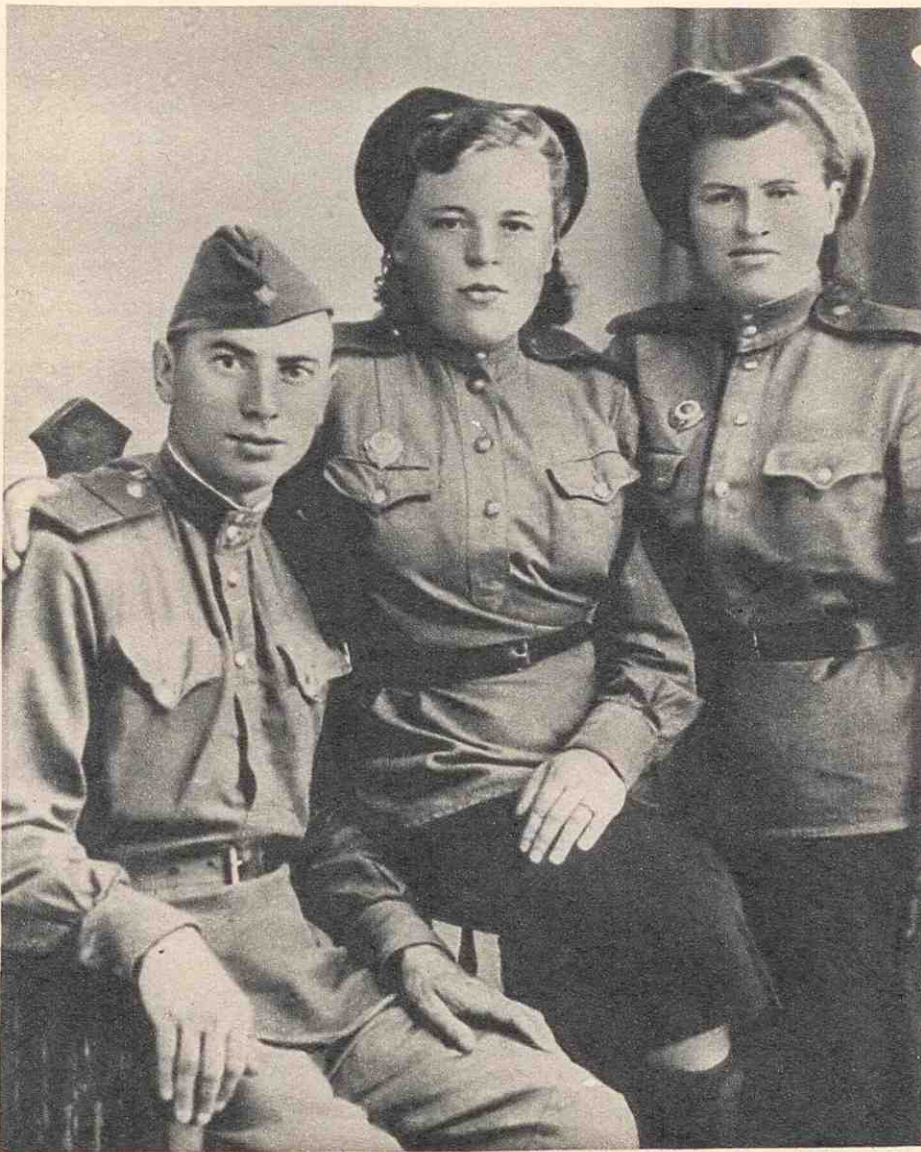
* * *

Живут на свете двое юных граждан: Лев Корнилов и Римма Елесина. Их матери порой недоедали, чтобы были сыты они. Их матерям не довелось много учиться, а они получают образование. Лев — студент института. Римма учится в техническом училище. Они любят кино, книги. Это — наследство, данное им матерями. И еще одно завещали матери детям — свой подвиг.

Я держу в руке хрупкую руку Риммы. Рука вздрагивает в моих пальцах. Глаза, полные слез, смотрят в сторону. Я слышу:

— Как мне жить теперь? Как я должна жить?!

Ю. ХОРИЦКАЯ

Пелагея Степановна (в центре) со своими фронтовыми товарищами.

Д В Е Р Ь

В скверике, как раз напротив окон моего кабинета, сидит молодая женщина. Она нервно тербит бахромую платку, тревожно поглядывая на дверь нашего здания. И хотя здесь разместились много организаций, мне почему-то кажется, что пришла она именно к нам, в женсовет. Я выхожу в скверик, подсаживаюсь к ней. Ну, так и есть — у женщины дело к женсовету. И разговор у нас будет таким, который лучше вести наедине: о беде всегда рассказывать трудно...

В районный женсовет приходят с разными делами и

заботами, часто с «чисто женскими»: рассказывают о семейных конфликтах, советуются о воспитании детей, просят помощи в затруднительном положении.

Вот, например, в прошлом году обратилась к нам А. Лукьянова. Была у нее семья как семья: заботливый муж, двое детишек-школьников. А потом в их жизнь вошло горе: муж начал пить. Ежедневные скандалы, чуть ли не драки. Семья не стало. Молодая женщина увидела, что придется самой ставить ребят на ноги. Она обратилась в женсовет, и мы детей по-

Судьба Ани Юзефович теперь в надежных руках женсовета. Но особенно сблизилась девочка с Ядвигой Андрушкевичене.

местили в школу-интернат, а мать устроили на работу в библиотеку.

Создан наш женсовет два года назад. На первом же заседании составили план работы секторов — производственного, культурно-массового и бытового. Большой план получился, потому что у женсовета много разных дел. На улицах райцентра появились клумбы — это дело рук женщин. В конце учебного года женсовет провел беседу с родителями о том, как помочь юношам и девушкам выбрать специальность. Пригласили на эту встречу не только учителей, но и людей самых разнообразных профессий. Для школьников организовывали экскурсии, встречи со специалистами.

Чище стало в колхозных домах и дворах — это тоже влияние женсовета. Часто по местному радио и в газете выступают врачи, рассказывая о требованиях санитарии и гигиены. Но беседы беседами, а вот когда за чистотой в домах колхозников и на улицах следит не только санитарный врач или сестра, а члены женсовета и активистки, — дело принимает настоящий размах.

В сентябре прошлого года мы провели месячник санитарии. Члены женсовета и активные общественницы обследовали детские учреждения, столовые, магазины, дворы.

Месячник показал, что постоянная забота о чистоте, благоустройстве и гигиене — большое дело.

Женсовет стремится научить женщин быть хозяйками не только в семье, но и в своей бригаде, в своем колхозе, активно вмешиваться в жизнь. Вот что случилось, например, в деревне Почебуты.

У колхозника Юзефовича умерла жена. Остался он с двумя детьми, Аней и Адамом. Погоревали, поплакали. Отец вскоре снова женился. И получилось, как в сказке, — «хотел дать детям мать, а привел злую мачеху». Не сумел безвольный отец защитить детей от произвола молодой жены. Та выгоняла ребят из дому, не давала есть, била. Аня и Адам часто ночевали то в сарае, то в коровнике — тоже как в грустной сказке.

Но конец этому положила не добрая волшебница, а женсовет. Соседки недолго мирились с тем, что происходит в доме Юзефовичей, и обратились к нам. Члены комиссии женсовета, удивившись, что старших Юзефовичей не перевоспитаешь,

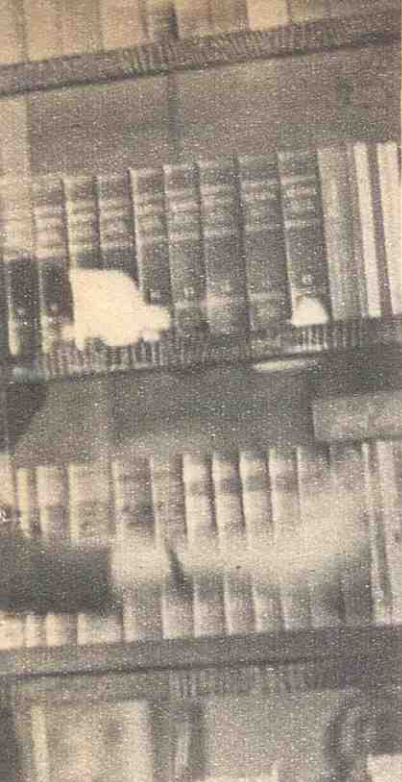

Члены женсовета нередко превращаются в корреспондентов местной газеты «Советская родина».

О Т Ъ Р Ь

ДЛЯ ВСЕХ

просьбе ревизия вывела Никифорова на чистую воду, и его сняли с работы.

Чем больше помогаем мы колхозницам, тем больше появляется у нас помощниц, активных участниц любого задуманного нами мероприятия.

Давно женщины нашего района соревнуются с труженицами Вороновского района Белорусской ССР. В прошлом году по инициативе женсовета был проведен слет передовиков соревнования. Победителям соревнования в торжественной обстановке были вручены награды: почетные грамоты райкома партии и райисполкома, а от колхо-

зов и совхозов — ценные подарки.

На слете передовиков были гости — лучшие доярки, свиноводы, телятницы из соревнующихся с нами хозяйств Белоруссии.

В женсовет избираются и колхозницы, и врачи, и домохозяйки, и агрономы, и учителя. Так что женсовет в любом деле может разобраться, принять меры.

В этом недавно убедились в Девенишках. В селе не было детского сада. Ходили, просили, добивались — бесполезно: нет денег, нет помещения. Учителя обратились к нам за помощью. Письмо подписали десятки женщин. До Мини-

стерства здравоохранения дошел наш представитель, Куцына Мария Михайловна, а своего добился.

Вот поэтому-то женсовет в Шальчининкае — организация авторитетная.

«Если на скамейке в скверике я вижу грустную женщину, озабоченно поглядывающую на дверь нашего дома, я сердцем чувствую, что пришла она в свой женсовет. Она доверительно расскажет о своих горестях, заботах. А мы обязательно постараемся ей помочь.

Э. ЯГЕЛЛО,

член районного женсовета
Литовская ССР.

Фото А. ГЕРИНАСА.

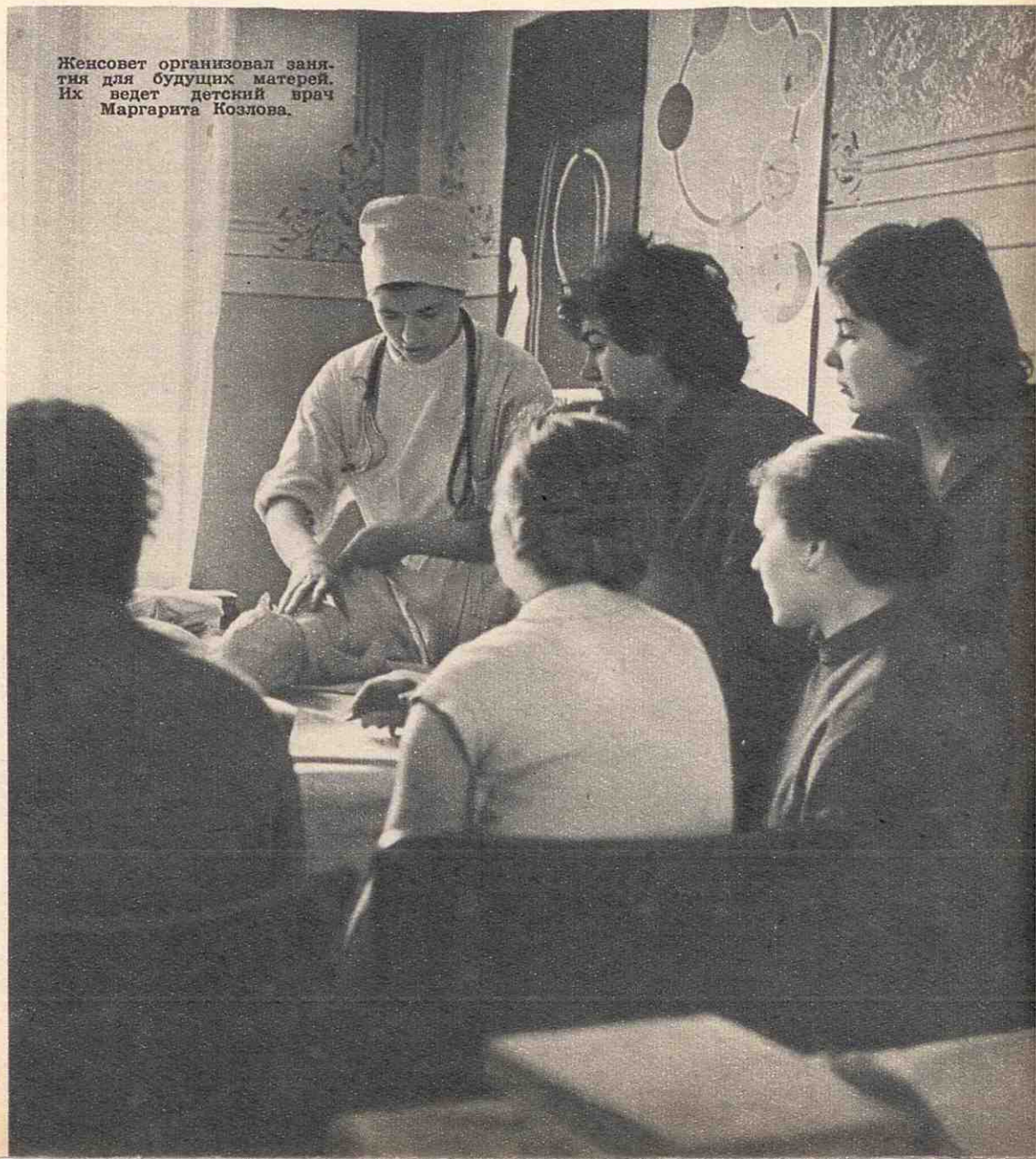
предложили взять от них детей. Адама поместили в интернат. У Ани оказалось слабое здоровье, ее положили в больницу, где она быстро поправилась. Сейчас дети учатся.

Все чаще приходят в женсовет колхозницы не только с личными делами, а по вопросам производственным.

Колхоз «Герой труда» несколько лет назад считался передовым. А когда председателем стал А. Никифоров, дела пошли плохо. Он мало думал об укреплении артельного хозяйства, больше заботился о собственном. Из колхозного леса построил дом, амбар, завел у себя на дворе настоящие птице- и свиноферму. А колхозную птицеферму ликвидировал; овцеферма и свиноферма приносили колхозу только убытки.

Председатель крепко усвоил систему приписок. Однажды он предложил дояркам подписать фиктивную ведомость. Но Аня Михалькевич, а за ней и другие отказались. Аня не спала после разговора с председателем всю ночь. Что же делать? Выступить на колхозном собрании? Но за критику одну из телятниц Никифоров сразу же отстранил от работы. На следующий день Михалькевич пришла к нам в женсовет. Назначенная по нашей

Женсовет организовал занятия для будущих матерей. Их ведет детский врач Маргарита Козлова.

ИТА

АГРАФЕНА

Н. ПАРЫГИНА

Рассказ

«И что там, стряслось, что надо среди дня человека от дела отрывать?! — недовольно думала Аграфена. — Мог бы по телефону объяснить, так нет: брось все дела да приезжай без промедления. Взял бы сам и приехал, коли такая спешка. «Волга»-то, небось, спорее Воркуна бегают».

Аграфена сердито хлестнула коня концами вожжей.

— Но-о, разнеленлся совсем, пусто-плас!

Воркун с показным усердием рванул тележку, но вскоре почувствовал, что вожжи ослабли, и опять перешел на неспешную рысь.

Глинистая, мокрая после ночного дождя дорога тянулась через ржаное поле. На косогоре вчера началась жатва, там золотистыми рядами протянулись неубранные валки. У березового перелеска стоял комбайн с подборщиком, ждал, когда валки подсохнут. А в низинке рожь еще поспевала, колосья нежились под солнцем, гнули от ветра отяжелевшие усатые головки и снова выпрямлялись, играя серебристыми переливами.

«Рожь-то богатая, — загляделась Аграфена. — Только бы убрать в срок, не потерять время».

Центральная усадьба совхоза протянулась вдоль реки. Развесистые ивы величаво клонились над тихой Соловой, в заводях распластались листья кувшинок. Три двухэтажных дома, как три старших брата, высились среди беспорядочно разбросанных, разделенных садами и огородами мелких домишек. Аграфена лихо проехала по широкой улице, заросшей по обочинам травой и желтоглазыми ромашками, подвернула к конюшням и проворно, словно молодая, соскочила с тележки.

Директор был не один. Молодая женщина в цветастом платье, в босоножках и прозрачной шелковой косыночке, под которой пузырились светлые кудряшки, сидела на кожаном диване. Рядом лежал клетчатый плащ.

«Видно, на работу приехала, — подумала Аграфена. — Нелегко тебе придется, милая, после города, пока привыкнешь».

Приезжая тоже с любопытством поглядела на Аграфену, но любопытство тут же погасло. Ничего необычного она не увидела в Аграфене. Высокая крепкая женщина лет под пятьдесят в широкой черной юбке и полинявшем джемпере поверх ситцевой кофты. Белый в крапинку платок на голове, под который упрятаны жиденькие волосы. Испачканные в

глине тапочки. Огрубевшие от работы руки. Обветренное лицо с четкими бороздками морщин.

— Как жизнь, Аграфена Андреевна? — приветливо спросил директор.

— Да жизнь, она ничего, — ворчливо отозвалась Аграфена, — кабы не надо было среди дня от работы отрываться да к начальству ездить.

Она могла не очень церемониться с Беловым: одиннадцать лет работали вместе, да и бригада Аграфены всегда была на хорошем счету. Впрочем, Аграфена ни перед кем не кривила душой и не терпела подхалимской почтительности. Директор? Ну и что? Он директор, я бригадир, а дело-то одно делаем. Что у меня плохо, пусть он мне скажет, а если директор фальшиво поступает, я не смолчу.

— Знакомься, Аграфена. Это Войнова, агроном. Да ты садись, чего ж стоять, на работе ноги намотаешь, а здесь можно и отдохнуть. Это наш бригадир-садовод, — обернулся он к Войновой. — Сад у нее в прекрасном состоянии, урожаи такие, что весь район завидует. По два плана выполняем. Такой сад надо беречь.

Аграфена слушала с недоумением. Что-то уж больно ласков сегодня Иван Михайлович, не похоже на него. И встретил чуть не у дверей, и в кресло усадил, и нахваливает. А глаза прячет. Если ты от души хвалишь, зачем прятать глаза? Нет, календарь разглядывает, а календарь тот лежит у него под стеклом уж полгода.

— Да, Аграфена Андреевна у нас замечательная работница! Заботливая, настойчивая, трудолюбивая. Вот только с образованием у нее прорыв. Будь у нее высшее образование, в министерстве бы сидела. Но... — Иван Михайлович вздернул плечи, беспомощно развел руки и оторвал наконец глаза от календаря, — четыре класса. При современном уровне науки и, в частности, агрономии...

Аграфена в упор взглянула на Белова, и он умолк, не закончив фразы. Ничего больше не нужно было говорить. Аграфена все поняла.

— Это тебе, что ли, отдают мой сад? — спросила она у приезжей спокойной и жестко.

Войнова покраснела и промолчала. На несколько мгновений в кабинете воцарилась тишина. Ветер колыхал на окне полотно занавеску, Маркс смотрел со стены на Аграфену пронизывающими глазами. Скулы острыми углами проступили на лице Аграфены, побледневшие губы склеились так плотно, что, казалось, и не разжать их.

«Хорошо, что я пригласил их вместе, — подумал Белов. — При постороннем человеке она вынуждена сдерживаться, а один такой бы наговорила... Ей все равно скоро на пенсию. А таким ответственным участком, безусловно, должен

руководить агроном. К тому же Аграфена много на себя брать стала: чуть что — на собрании раскритичится, а то и в газету настроичит...»

«Двадцать четыре года, — думает Аграфена, — двадцать четыре года выхаживала я сад...» Она хочет высказать это вслух, но говорить ей почему-то трудно. И не стоит. Он ведь знает.

— Я советовал вам учиться, Аграфена Андреевна. Если не институт, то хотя бы техникум вы могли окончить...

Не глядя на Белова, не слушая его, Аграфена встает.

— Пойдем, что ли? — обращается она к Войновой и первая направляется к двери.

Белов кивает агроному: идите. Он доволен, что все обошлось сравнительно мирно.

Аграфена отвязывает коня, выводит на дорогу. Войнова с перекинутой через руку плащом стоит на крыльчке.

— Садись, — приглашает Аграфена.

Она терпеливо ждет, пока агроном неловко взбирается на тележку и усаживается на сене. Потом протягивает девушке вожжи:

— Держи.

— А вы? — робко спрашивает Войнова.

— Вон дорога через рожь, по ней и поедешь. Как холм перевалишь, тут он и будет, твой сад. Но-о, Воркун!

И, прежде чем Войнова успела что-нибудь сказать, застоявшийся Воркун дернул тележку. Войнова растерянно оглянулась на Аграфену, хотела остановить лошадь, но передумала, не остановила.

2

Странно в горячую рабочую пору среди дня сидеть на берегу Соловы, сложив на коленях руки, смотреть на воду. Вода темная, с зеленой ряской у берегов. Ленивая река Солова, еле-еле течет между глинистых берегов, вроде заснула... «Как бы там Мария не дала в пионерский лагерь вчерашнюю смородину. Ребятам надо самую свежую, самую лучшую ягоду. Неужто сегодня опять не пришлют машину? Не успела с утра позвонить в заводской орс...»

Брось думать об этом, Аграфена. Не твоя забота. Ты больше не бригадир. Прислали на твое место другую. На голове — кудряшки, в кармане — корочки. Диплом. Высшее образование.

Саду, говорит, весь район завидует. Верно, Иван Михайлович, завидуют нашему саду. А чьими руками, чьими заботами?.. Не одна, всей бригадой холили, а только бригадир — всему голова, сами вы... И чего молчала, не высказала свою обиду? «Аграфена бедовая, у Аграфены не язык — бритва», — считают люди. Вот тебе и бедовая! Не лискнула — уступила свой сад. А в него полжизни положено. О нем больше, чем о детях, думала. Теперь дети переженились. Сад отняли. Никому не нужна больше. Хоть у речки сиди, хоть в речку кишься.

«Сколько раз учиться тебе советовал...» Что спорить, советовал. А ка-

бы подумал, что с тремя малолетками в войну осталась, так, может, и советовать бы не стал. Пустые слова. Надо что-то сказать, вот и оправдался: учиться советовать. А она и без советов училась. Дипломов нету, а сколько книжек по садоводству перечитала — зайти погляди, все они лежат на полочке. Небось, больше всех керосину в деревне изводила. Знает ли еще она, эта кучерявая, столько, сколько Аграфена? Будут ли ее люди слушаться? Не простое дело — бригадой руководить. Подход надо иметь. Сладок будешь — расклют, горек будешь — расплюют. Найди-ка вот верную-то линию... Эх, Иван Михайлович! Поторопился ты. Дал бы уж до пенсии спокойно доработать на своем месте. Нет. Раз — и обломил, словно засохшую ветку.

Долго сидела Аграфена, прислонившись плечом к стволу старой ивы и безвольно отдавшись своей обиде. Колыхались на воде листья кувшинок, зеленела на противоположном берегу завывающая в кочаны капуста, а дальше виднелось то ржаное поле на холме, через которое пролегла дорога к Аграфениному саду. Можно по этой дороге мимо сада добраться до дому. Но отсюда есть до деревни Холмики и короче путь: вдоль речки, а потом тропинкой через лес. Аграфена пошла берегом.

Невестка с Митей на руках возле плетня разговаривала с бабушкой Куприяновной.

— Ты гляди-ка, Аграфена идет, — удивилась бабушка. — Не иначе, занедужила.

Шура обернулась, потом отдала Митю бабушке, кинулась навстречу Аграфене.

— Захворали, мама?

— Пойдем, дома расскажу.

Шура до обидного равнодушно восприняла новость. Более того, она как будто обрадовалась.

— А что, мама, хватает вам работать, будете дома с Митей сидеть, а я телятницей пойду. Мне бригадир уже два раза предлагал, да я говорю: кабы ясли, а то Митю не с кем оставлять.

Аграфена пожалела, что нет дома Николая: месяц назад он уехал на целину убирать хлеб. Два старших сына жили далеко: один учился в Москве, другой работал на заводе в Орле — и в Холмиках бывали редко. А Николай, будь он дома, посоветовал бы, как поступить.

Вечером пришли женщины из бригады.

— Это что же такое творится? — еще с порога заговорила громкоголосая Мария. — И как же это понимать? Хочешь, мы завтра всей бригадой к директору пойдем? Ведь это какую он с тобой несправедливость устроил!

— Нет, — сказала Аграфена. — Никуда вы не ходите. Я сама так захотела. Довольно, наработалась. Буду с Митей нянчиться, а Шура вон в телятницы пойдет.

— Врешь ты, Аграфена, что сама надумала из сада уйти, — возразила Мария. — Кабы сама, ты бы вместе с той кудрявой приехала, все бы ей объяснила, а ты пошла к речке с горем невысказанным — люди видели.

Аграфена вздохнула. Спорить не стала и соглашаться не согласилась.

— Завтра, — сказала, — с утра приду передавать сад.

Она пришла в сад очень рано и не с центрального входа, а с поля, через питомник. Задержалась на плантации однолетних яблонь, полюбовалась крепкими дичками. Прошла чистым, без единой травинки междурядьем. Несколько раз Аграфена, наклонившись, рассматривала, как взялись привитые почки. Из перевязанных мочалкой стволиков тянулись к солнцу новорожденные веточки с ярко-зелеными маленькими листочками. «Хороши будут яблоньки, — думала Аграфена. — Не зря я за пятьсот километров за черенками ездила. Только выхаживать надо с умом да без лени».

И тут же вспомнила, что выхаживать эти яблоньки придется не ей. Но сейчас эта мысль не вызвала такой острой горечи, как вчера. Она уйдет из сада, а труд ее останется. Кто знает, не будет ли эта агрономша, что училась пятнадцать лет, хозяйничать лучше Аграфены! Чего-то, может, Аграфена не знала, не сделала по науке, а та сделает. И еще краше станет сад.

С питомника Аграфена прошла в молодой сад, потом завернула к смородине. На одном участке ягода была выбрана нечисто. «Надо будет сказать Марии, чтоб следила. Чего ж добру пропадать!»

Старый сад занимал двенадцать гектаров. Многие деревья здесь были посажены руками Аграфены. Вишня уже отошла, летние сорта яблук вот-вот пора будет собирать. И зимние понемногу наливались. Сад в этом году обещал невиданно богатый урожай: отягощенные плодами ветви яблонь грузно лежали на подпорках. Хорошо еще, что стянули их у стволов, подложив дощечки, проволокой, а то бы поломались стволы.

Старый Максимыч с винтовкой за плечами вышел из-за деревьев.

— Знатные нынче будут яблоки, Максимыч, — сказала Аграфена.

— Яблоки богатые. Правда ли, Аграфена Андреевна?..

— Правда, — перебила Аграфена. — На отдых потянуло.

Она в самом деле чувствовала себя усталой. Деревья поникли под тяжестью яблук, Аграфенины плечи пригнулись от прожитых лет. И уже самой начинало казаться, что не директор разлучает ее с садом, а уходит она по доброй воле. Силы не те. Пора.

В восемь часов вместе с управляющим отделением пришла Войнова. Она смущалась, смотрела на Аграфену виноватыми глазами. Но Аграфена не сердилась на нее. «Ох, трудно

тебе придется, девка!» — опять мысленно пожалела нового бригадира. А вслух сказала:

— Как зовут-то? Елизавета Николаевна? Ну, что ж, Лиза, давай, принимай свое хозяйство.

3

Директор вызвал Аграфену, предлагал на выбор работу: то ли на огород идти, то ли на парники, а еще лучше — кладовщицей, совсем нехлопотное дело.

— Нет, — сказала Аграфена, — куда я не пойду, с внуком буду нянчиться.

— Ну, гляди, — пожал плечами Иван Михайлович, — дело твое.

И Аграфена стала нянчиться с внуком.

Просыпалась она по привычке рано. Торопливо, будто ей, как прежде, надо было бежать на работу, управлялась с домашними делами: кормила поросенка, бросала горсти две пшена цыплятам, готовила завтрак. Бабы, переключаясь, собирались группами, расходились — кто в поле, кто на фермы, кто в сад. Шура тоже, накинув жакет и повязавшись платочком, уходила к своим телятам. Старички да малые ребята оставались в Холмиках. И с ними Аграфена.

Отдых не радовал Аграфену. Теперь, в беззаботной жизни, она не чувствовала себя усталой, тяжким наказанием тянулись непомерно длинные дни.

Митя — спокойный малыш. Аграфена не приучает его к рукам, не хочет портить. Пол вымоет, застелет старым одеялом, посадит Митю — ползай. Еще морковку даст для забавы. А сама выискивает, чем бы заняться.

В первое время находились дела. Избу обмазала да побелила голубоватой известкой — самая нарядная в деревне стала изба, огород прополола, тын починила. Только надолго ли расторопному человеку этой работы? Все чаще приходило в голову Аграфене, что не по ней такая жизнь.

Одинокая Куприяновна замечала, что скучает Аграфена, старалась ее занять. Придет, сядет на порожек, палку рядом положит.

— А какой я сегодня, Аграфена, сон видела...

И длинно-предлинно расскажет сон.

В середине августа Николай прислал письмо. Хлеба нынче знатные, работать приходится чуть не сутками — не до сна. Как там дома и какой в совхозе предвидится урожай?

Вечером Шура села писать ответ. Аграфена выходила на огород, вернулась — у Шуры целая страница готова, за десять-то лет в школе бойко научилась строчить. Высыпав из передника на стол огурцы, Аграфена взяла исписанную страничку: «Здравствуй, дорогой Коля... Все благополучно... А мама теперь сидит дома, возится с Митей, он уже начинает ходить...»

Аграфена свернула листок пополам, разорвала, потом еще раз...

— Мама, вы что? — вскопчила не-

вестка. — Это мое письмо, зачем вы...

Аграфена погладила Шуру по голове жесткой и ласковой ладонью.

— Не сердись, — сказала она. — Завтра напишешь. Давай поужинаем.

После ужина Аграфена пошла к Куприяновне, уговорила старуху нянчиться с Митей. А утром отправилась на центральную усадьбу.

Белов собрался куда-то уезжать, Аграфена перехватила его уже возле машины.

— Ну что? — строго спросил директор.

— Не могу без работы, — призналась Аграфена.

— Куда ж надумала?

— Где нужна, туда и назначайте.

— На парники пойдешь, — объявил Иван Михайлович. — Садись, подброшу.

Сам открыл дверцу и сел рядом с Аграфеной на заднее сиденье.

В сад Аграфена ходила за четыре километра, за Романовку, до парников не ближе, но в другую сторону. Может, нарочно директор дал ей такую работу, чтоб дальше от сада. Но Аграфена и сама решила туда не навешиваться, не травить сердце.

Бригада на парниках небольшая — всего десять человек. Бригадиря Анну Крюкову Аграфена уважала — требовательная и справедливая женщина, но все равно ходить у Анны в подчинении первое время показалось ей горько. Как-то опоздала Аграфена на работу минут на десять — Анна ей:

— Ты уж, Аграфена Андреевна, не опаздывай, у нас дисциплина.

Аграфена обиделась. Понимала, что права Анна, и сама всегда строго с людей спрашивала, а от замечания расстроилась.

Работать приходилось много и летом и зимой. Аграфена возила навоз, чистила парники, проращивала семена, полола, поливала, выкапывала рассаду, собирала ранние огурцы. А тут еще Крюкова заставила каждую неделю на учебу ходить, слушать лекции главного агронома. Всей бригадой слушали лекции. Валька Фадеева, семнадцатилетняя девчонка, сидит, авторучки от листа не отрывает, и Аграфена рядом худо очиненным карандашом выводит в блокноте: «Землю под капустную рассаду надо засыпать свежую, дерновую... Помидоры любят легкую почву, пополам с перегноем... Вентиляцию в парниках устраивают по ветру...»

Постепенно Аграфена втягивалась в новую работу. Ей уже не казалось заторным учиться за одним столом с девчонкой Фадеевой. Гордись не гордись, а парниковое хозяйство не то что сад, тут своя наука, и, если хочешь добиться успеха, придется эту науку осилить. Стыдно Аграфене в работе ли, в учебе отставать от той же Вальки Фадеевой.

В сад Аграфена не заглядывала. Если встречалась с женщинами из своей бывшей бригады, ни о чем их не расспрашивала. А когда сами жаловались: «Новая-то бригадирша хоть и с образованием, а, видно, не шибко смыслит», — Аграфена обрывала:

— Мне про это знать ни к чему.

Целый год Аграфена не была в саду. На парниках дела шли хорошо, бригада боролась за звание коммунистической, Аграфене к Первому мая директор объявил в приказе благодарность. А в саду, теперь уж кругом стали поговаривать, урожай ожидается бедный, междуярдья поросли травой, на деревья напала парша.

Однажды Аграфена не выдержала и, попросив Крюкову подменить ее, отправилась в сад.

4

Когда-то сад был обнесен забором, но потом к нему присоединялись все новые и новые участки, сад разрастался, и теперь забор с воротами и калиткой остался только с южной стороны, а кругом сад отделялся от поля просто двумя рядами неплодовых деревьев: тополей, берез, лип и кленов. Аграфена могла попасть в сад через питомник, но она обогнула питомник, прошагала метров триста вдоль забора и вошла через ворота, чтобы не подумали, что она от кого-то таится.

Лишний путь, однако же, проделала Аграфена напрасно: никто не встретился ей на центральной аллее. Она взглянула на часы и сообразила, что пришла в обеденный перерыв. И тут же забыла об этом, попав в окружение старых знакомых, хотя этими знакомыми были не люди, а деревья.

Вот они, грушовка, антоновка, боровое... Пишин-шафран. Этим почти по тридцать лет. Когда Аграфена начала работать в саду, они еще не плодоносили. А вон на тот участок она сама высаживала двухлетние яблоньки вскоре после войны. В прошлом году тут было видимо-невидимо яблок, а нынче... Не зря, значит, говорили люди. Самая середина лета, а деревья стоят понурые, листья свернулись, точно в сентябре, жалкие залипухи скудно висят на ветвях, так что не надо и подпорок.

— Вишь, трава-то вымахала с Ивана Великого! — вслух подумала Аграфена, глядя на заросшие междуярдья.

Аграфена прошла в глубь сада. Сторож Максимыч со своей винтовой встретился ей.

— Зачем ты здесь, Максимыч? — сурово спросила Аграфена, словно по его вине поухли деревья и междуярдья заросли травой.

— Известно зачем, — с достоинством проговорил Максимыч. — Сад охраняю.

— На такие яблоки вор не польстится.

Чем больше ходила Аграфена по родному, нынче так худо обихоженому саду, тем острее и неодолимее нарастал в ее душе гнев. «Что она сделала? — думала Аграфена о Войновой. — Что она сделала с моим садом?»

Рисунки М. СТРИЖЕНОВА.

Потом она увидела бригадира. Войнова шла навстречу, недоумевающе глядя на Аграфену.

— Ты что же это, — еще издали требовательно заговорила Аграфена, — ты как за садом ходишь?..

— Что вам надо? — спросила Войнова.

— Мне надо... мне надо, чтобы ты сад не губила! — крикнула Аграфена. — Учили тебя, на большое дело поставили, а ты...

У Аграфены от возмущения тряслись губы, она не находила слов.

Войнова в синем халатике и легкой косыночке на голове стояла, опустив руки и растерянно глядя на Аграфену. Кто она, эта старуха, что смеет так допрашивать ее и кричать? Не директор, не главный агроном, бывший бригадир — только и всего. Но во взгляде Аграфены, в ее голосе, в высокой, напряженно выпрямившейся фигуре Войнова почувствовала что-то такое, от чего ей захотелось не только отвечать Аграфене, но и оправдаться перед ней.

— Я виновата? — обиженно проговорила она. — Я виновата, что все лето дожди? Только опылишь деревья — все смочет, а парша — ей того и надо. А трава! Прет и прет, никакого с ней сладу нету, не успели кончить прополку, как первая борозда уже снова заросла. А тут еще трактор отобрали. Поля ведь тоже зарастают. Директор распорядился — и увел трактор. Лопатами такую площадь попробуй...

Войнова вдруг отвернулась и заплакала, узенькие ее плечи вздрагивали под синим халатом, на затылке беспомощно шевелились выбившиеся из-под косынки тонкие завитки волос.

— Ну чего ты? — ворчливо сказала Аграфена. — Того не лучше: реветь вздумала.

Войнова поискала в карманах халата платок, не нашла, вытерла глаза рукавом.

— Хорошо вам было в прошлом

году хвалиться яблоками, — сквозь слезы упрекнула она Аграфену. — А нынче год неурожайный...

Аграфена не приняла ее оправдания.

— Если в срок ведро и гром, — так не нужен и агроном, — жестко проговорила она.

Потом они сидели рядом на бугорке и уже без крику и без слез долго разговаривали. По небу, скрывая солнце, бродили плотные облака, ветер налетал порывами, и деревья встревоженно шелестели, то ли приветствуя Аграфену, то ли жалуясь ей на свою судьбу.

— На лето, на дождь свои грехи сваливаешь, — журила молодого бригадира Аграфена. — А как же у нас в Холмиках возле каждого дома сад и ни на одном дереве парши нету? — Так то частные...

— Частные? Да совхозный-то сад втрое знатнее частного должен быть! У тебя наука, у тебя все в руках! Погода, вишь, виновата. А про то, что дерево надо кормить, ты забыла? Крепкое дерево, что крепкий человек — против любой невзгоды выстоит. А у тебя деревья стоят угнетенные, почва истощилась, а ты навозу не завезла.

— Не дали мне, — вздохнула Войнова. — Ваши же парники весь навоз поели.

— А ты и смирилась? Легко сдаешься. Ты требуй, добивайся, кричи, плачь; чем тут передо мной-то реветь, лучше у директора в кабинете слезу пусти, в газету напиши, если не поможет, в райком постучись. Убейся, а добейся! И навоз надо было отхлопотать, и трактор зря упустила. Небось, нашли бы выход. Директор за весь совхоз отвечает — пусть за весь совхоз и думает, а тебе сад доверили — ты саду и хозяйка. И не имешь ты права допускать его до такого беспризорного состояния. Отдала трактор — лопатками копай вместе с бригадой, день и ночь не уходи, а траве не позволяй разгуляться. Люди в бригаде хорошие, ра-

ботающие... К ним только подход нужен. Квадраты-то у тебя закреплены за работниками?

— Закреплены.

— Это вот чьи груши?

— Надежды Шевровой.

— Вот и спроси с нее: почему у тебя груши травой обросли? И веточки вон сухие не срезаны. Разве это порядок? А Сидоркина где работает, Татьяна Степановна?

— На питомнике.

— Это правильно. Работает она на совесть, а самое сложное — окулировка. Как привьешь, так и вырастет. У нее, у Татьяны-то Степановны, руки очень чуткие. Всех, бывало, в работе обгонит, такая быстрая. Скажу ей: «Смотри, Татьяна, как бы ты в спешке браку не напорол! Привить — привьешь, а почки не возьмутся». «Не беспокойся, — говорит, — Аграфена, возьмутся». И верно... Люди разные, и подход к ним нужен разный. А тебе, Лиза, одно скажу: ты за этот сад, как за свое счастье, до отчаянности должна бороться. Душу ему отдай, как я свою... Тогда он тебя отблагодарит.

— Не умею я, — виновато проговорила Войнова. — Скажу директору, чтобы другую работу мне дал, а вас — обратно сюда.

— Нет, — покачала головой Аграфена. — Нет, обратной дороги мне нету. Не хочу я. Да и годы... Скоро на пенсию. А ты не бойся. Осилишь. Разве у меня все сразу хорошо пошло? Тоже бедовала. Тебе легче, у тебя образование, только одним образованием сад не поднимешь. Книжки книжками, а к ним опыт нужен. И любовь. Если дорог тебе наш сад, все одолеешь. Ну, пойду я. Увидимся еще когда...

Войнова схватила Аграфену за руку.

— Спасибо вам, Аграфена Андреевна. Вы такая... такая...

— Никакая я не «такая», — перебила Аграфена, — самая что ни на есть обыкновенная. А сад ты береги.

— Вот увидите...

— Ну и ладно. До свидания.

Аграфена медленно пошла прочь. Войнова стояла, обхватив руками ствол старой яблони, и глядела ей вслед. Высокая, немного ссутулившаяся женщина в широкой черной юбке и полинялом джемпере, с чуть склоненной набок головой, повязанной ситцевым платком. Может, и в самом деле совсем обыкновенная. «Завтра же, — думала Лиза, — нет, сегодня пойду к директору... Надо собрать бригаду...»

Солнце вдруг вырвалось из облаков в голубой просвет, золотистые лучи его разбежались по саду, заиграли на стволах яблонь, на притаившихся в побуревшей листве яблоках. Пятнистые тени причудливым узором распластались под деревьями. Обрадовавшись теплу, застрекотал невидимый в траве кузнечик.

— Лизавета Николаевна! — послышалось за деревьями.

Войнова вздрогнула, не то удивившись, не то обрадовавшись, что кому-то нужна. «Мария зовет», — узнала она голос своей зеньевой и торопливо пошла ей навстречу.

Заслуженный механизатор РСФСР Клавдия Петровна Баранцева довольна: еще один трактор вышел из ремонта.

НАШИ КОМАНДИРЫ

В январском номере журнала «Крестьянка» за 1963 год я прочитал статью М. Назарова-Гашина «Несостоятельная теория».

Меня удивляет, почему во многих хозяйствах Харьковской и Днепропетровской областей так

скептически относятся к выдвижению женщин на руководящие посты. В нашем подмосковном колхозе «Завет Ильича» из тринадцати членов правления семь — женщины. Все среднее руководящее звено колхоза — женщины.

В колхозе до нового года были две тракторные бригады. Одной из них руководила Клавдия Петровна Баранцева. Несколько месяцев назад ей присвоили звание заслуженного механизатора РСФСР. Трактористкой она стала еще в 1937 году. Много лет сама работала на тракторе, а пос-

ле реорганизации МТС перешла в колхоз. С той поры она бессменный бригадир тракторной бригады. И ее бригада всегда была в числе передовых в Московской об-

ласти, потому что в знаниях техники Клавдия Петровна не уступит опытнейшему механику, а ее организаторские способности незаурядны.

Вторую тракторную бригаду возглавляла Анна Александровна Чудакова. Всю свою жизнь она работала рядом с Баранцевой. В одно время стали они трактористками, вместе колесили по многим колхозам, которые обслуживала бывшая МТС. Анна Александровна также хорошо знает технику и успешно осваивает новые машины.

В новом году мы тракторные бригады объединили в одну. Бригадиром поставили Баранцеву, а Чудакову назначили заведующей мастерской. Сейчас главная их забота — хорошо подготовить технику к весеннему севу. Ремонт прицепных машин почти закончен. Своевременно будут готовы и тракторы.

Хочется назвать еще

Георгий Федорович Голубков устало облокотился на край стола. Настроение у председателя было невеселое, и, чтобы скрыть раздражение, он мял в ладонях плотные рыжие рукавицы. В комнате, где собралось правление, воздух посилен от дыма. Кто-то распахнул форточку.

— Так с кого же будем спрашивать за ущерб?

А ущерб, о котором говорил председатель, состоял вот в чем.

Шла жатва. Комбайнер ненадолго отлучился, оставив наблюдать за агрегатом неопытного помощника, не знакомого с техникой, и произошла авария. Новый, только что приобретенный за 4 тысячи рублей комбайн, не проработав одного сезона, надолго выбыл из строя.

Неловкая пауза затягивалась. Но вот поднялась секретарь партийной организации Валентина Александровна Тришкина. Вспомнила весеннюю пахоту, сказала и про осень — в те горячие дни машинный парк, бывало, простаивал по единственной причине: не хватало механизаторов.

За Тришкиной вставали бригадиры, учетчики, звеньевые. Говорили о давно наболевшем. Техნიкой обеспечены, укомплектованы, так сказать, по всем статьям, а людей, владеющих этой техникой, хоть по пальцам считай.

В тот памятный день правление и решило организовать в колхозе курсы механизаторов, а окончившим эти курсы дополнительно начислять 10 процентов к выработанным трудодням.

Новое дело понравилось сельской молодежи. Заявления подали сразу шестнадцать человек. Курсы вели опытные механизаторы, в их числе и председатель колхоза Голубков, сам отлично владеющий машинами.

Быстро пролетели четыре зимних месяца. Группа сдала экзамены. Сел за трактор Николай Хрусталеv. Владимиру Батову доверили льнотеребилку. Василий Погодин, три года ходивший в пастухах, встал за штурвал комбайна.

Из шестнадцати человек, вначале записавшихся на курсы, окончили их четырнадцать. Оставили учебу две девушки. Од-

Главный бухгалтер колхоза Анна Ивановна Зубачева.

Иладовщин
Вера Николаевна
Миронова.

кладовщика центрального склада Веру Николаевну Миронову. Через ее руки проходит 80 процентов всей колхозной продукции. Каждый день она что-нибудь отправляет в

магазины Москвы, отпускает корма на фермы и т. д. И никогда не было у нее недовесов или перевесов. Документы оформляет вовремя и правильно. На складе всегда порядок.

Ну, а как не сказать о важнейшей части управленческой «машины» — бухгалтерии? Правильный учет, как зеркало, отражает состояние хозяйства. У нас в этом

«зеркале» видно все как есть. Главный бухгалтер Анна Ивановна Зубачева строго следит за выполнением производственно-финансового плана, требует от правления соблюдения финансовой дисциплины. Недавно ее избрали секретарем партийной организации.

Многие могут спросить: что же представляет собой хозяйство, где всюду командуют женщины? Наш колхоз один из передовых в Звенигородском производственном управлении. На каждые сто гектаров сельскохозяйственных угодий мы получили 1 080 центнеров молока. Удои коров достигают 4 тысяч килограммов в год. Несмотря на неблагоприятные погодные условия прошлого лета, колхоз выполнил план государственных закупок по всем видам продукции, засыпал семенные фонды и выдает по 2 рубля 29 копеек на трудень.

В. ГОФАЙЗЕН,
агроном колхоза
«Завет Ильича»

Московская область.

Фото С. КАРАСЕВА.

НЕОКОНЧЕННЫЙ РАЗГОВОР

на из них — Люся Хрусталева — перебралась вскоре в город. Валя Ушакова устроилась на работу в сельском Совете. Здесь я с ней и познакомился.

С обидой она рассказывала, почему не осуществилась ее мечта стать трактористкой.

— Записалась на курсы, с радостью спешила после работы на лекции. А потом... бросила. В память надолго врезались слова: не видать вам, девчата, трактора. Не доверят. Разве на какую-нибудь завалиющую сеялку посадят... Конечно, глупо обращать внимание на такие реплики. Мало ли кто что говорит! Обиднее другое — постоянно чувствовать на себе косые взгляды, видеть ироническую усмешку, за которой в общем-то скрывается недоверие. Не случайно же девчат, мечтающих стать механизаторами, не то чтобы пригласили, а даже не предупредили о создании курсов. Глупо и несправедливо, — закончила свой рассказ Валя.

...Был час вечерней дойки. На скотном дворе пахнет теплым сеном и молоком. Коровы медленно жуют силос. Доярки суетливо подхватывают ведра и сливают густое молоко в бидоны, которые стоят тут же, у входа. Нина Махолина, в синем халате, в сапогах, шутиливо крикнула подружке:

— Что-то наша Тамара загуляла! Коровы недоенные, скучают.

Доярка пришла минут через пять. Раскрасневшаяся с мороза, закутанная в шаль. С собой Тамара Фаянцева привела долговязого медлительного парня с добродушным лицом. Слесарь взглянул на доильный аппарат, приладил к вымени, аппарат заработал.

— Пустяк, — пояснил он, стяхивая с сапог прилипшие солонишки, — воздух проходил. Подвернула бы стаканчик — и всего-то дела.

Девушка растерянно пожала плечами. Пустячная неисправность, а доярка потеряла полчаса да и молока надоила в этот вечер меньше, чем обычно, потому что, когда опоздаешь, коровы хуже отдают молоко. Что же будет, когда на ферме оборудуют «елочку»? Доярке одновременно придется

сработать с несколькими аппаратами, а ее профессия будет именоваться «мастер машинного доения».

— Какой из меня мастер, — с горькой иронией говорит Тамара, — когда с одним-то аппаратом не управиться!

И ее можно понять. Новый метод доения для того и вводится, чтобы снизить издержки производства и за счет этого повысить производительность труда. Но если доярка только на одном аппарате потеряла полчаса, а надои в результате упали почти на два литра, то на «елочке» потери будут еще больше. Опять же, приставь к доярке дежурного слесаря, издержки увеличатся вдвое: слесарю ведь тоже платить надо. Проще и разумней обучить доярку основам электротехники, чтобы она со всем могла справиться сама. Но об этом в колхозе не подумали.

Не думают и в остальных 14 колхозах района о подготовке механизаторов — полеводов и животноводов — из женщин и девушек, хотя курсы созданы повсюду.

А между тем в колхозе «Ленинец» много лет работает трактористкой Анастасия Савина. Народ уважает ее, она депутат районного Совета. Интересная жизнь и у дизелистки из колхоза «Активист» Екатерины Абросимовой, руководившей тракторной бригадой.

Об этих женщинах-механизаторах слышаны в районе. Когда же дело коснется своего колхоза, иной председатель отмахивается:

— Женщина не парень. Какой из нее механизатор!

И все-таки в том же колхозе «Победа» две девушки, Галина Тихонова и Соня Гальянова, сами научились водить трактор. Значит, есть у женщин и девушек тяга к технике, и надо смелее привлекать их на курсы, окружая заботой и вниманием.

В. ДРОБИШЕВ

Тутаевское производственное
управление,
Ярославская область.

НАШ ДРУГ БЕЛАНЕ ШРОТ

Сухой и солнечной выдалась в Венгрии минувшая осень. Мы ехали по знаменитой Токайской долине и любовались чудесной игрой красок. Невысокие холмы тянулись вдоль шоссе, ровными рядами поднимались виноградники, мелькали красные черепичные крыши поселков.

Товарищи, ехавшие со мной, с понятной гордостью рассказывали о своем крае.

В районном центре Серенч они вспомнили, что сюда в начале восемнадцатого века Петр I присылал своих людей для закупки знаменитого токайского вина. И хотя с тех пор много воды утекло, Серенч и сейчас знаменит своими винами.

Увлеченно говорили они о завтрашнем дне района, о расширении плантаций под виноградниками и садами, о людях, которые выросли при народной власти.

Я услышал имя Белане Шрот.

— Эта женщина заслуживает того, чтобы о ней узнали в Советском Союзе. Напишите о ней, — сказали мне. — В вашей стране таких людей называют маяками.

Машина свернула с асфальтированного шоссе на грунтовую дорогу и, оставив за собой длинный шлейф пыли, въехала в деревню Шарошпотак.

Ни в правлении кооператива, ни на улице ни души. Только издали доносится гул трактора. Пока мы раздумывали, куда бы направиться, возле нашей порядком запылившейся «Волги» вырос как из-под земли бойкий мальчонка.

— Ну, хозяин, скажи, где нам найти Белане Шрот?

— В поле. Она убирает капусту. Хотите, покажу дорогу? И, не дождавись ответа, вскочил на сиденье.

Подозрительно долго колесила «Волга» по полям, пока мы не отыскали «тетушку Белане».

— А я разве виноват? — оправдывался мальчишка.

— Ладно уж тебе! Покатался — и хватит. — Женщина, улыбаясь, подтолкнула маленького проводника.

Лицо Белане Шрот загорело и обветрело. Серые глаза смотрят внимательно и чуть-чуть улыбочиво. О таких глазах говорят, что они «с огоньком». Но жизнь, видно, не шутила с этой женщиной: уже легли густой сеточкой морщинки у глаз и крепко посеребрились темнорусые волосы.

Прославленный бригадир, член областного комитета партии, делегат VIII съезда Венгерской социалистической рабочей партии Белане Шрот действительно шла не по легкой дороге.

1946 год. Венгрия только нащупывала пути для своего будущего. Трудное было время, особенно в деревне. Помещики и кулаки дрожали за свои богатства. Во времена Хорти слова «коммунист» и «красный» считались самыми оскорбительными.

— Так что вы можете понять, какое у меня было представление о коммунистах, — немного смущенно говорит женщина. — Но однажды я случайно попала на открытое партийное собрание. Сейчас уж и не помню, что меня заставило туда пойти. Там выступал один коммунист. Он говорил о задачах коммунистов в деревне, о политике партии в отношении крестьянства. Рассказывал, да так, что у меня слезы навернулись на глаза. Мне казалось, что он говорил и обо мне, и о моих родителях, и о моих соседях...

Глубоко запали в душу его слова: землей будет владеть только тот, кто ее обрабатывает, труженик станет хозяином земли.

Вот тогда я впервые задумалась. Если коммунисты, рассудила я, думают о нас, бедняках, значит, они правильные люди. Поэтому их, наверное, и ненавидят богатые.

Другой, третий раз побывала я на собраниях партийной ячейки и окончательно поняла, что уже не могу обходиться без этих интересных собраний, где обсуждаются большие вопросы, где все чувствуют себя равными и ответственными за все. И еще мне нравилось обращение коммунистов друг к другу: «Эльтарш». Это значит: «Друг, товарищ по идее». Так я стала первой коммунисткой в селе.

Но мне хотелось знать больше о партии, о ее задачах. Я попросила, чтобы меня послали куда-нибудь учиться. Досталось мне тогда! Марике, моей дочке, исполнилось только четыре с половиной месяца. Но ничего, справилась. Окончила курсы, вернулась в родную деревню. Тут меня коммунисты и избрали секретарем партийной ячейки. «Ты, — говорят, — молодая, грамотная, на курсах побывала, кому, как не тебе, руководить...» Я не стала возражать. Да, если честно, сказать, гордилась я доверием товарищей.

В нашем селе в ту пору, как и во всей Венгрии, зрели идеи объединения крестьян. Но шли на это самые сознательные, понимающие, что только объединение может вытащить бедняков из нужды. В конце 1949 года мы создали кооператив.

Спрашиваете: трудно ли было? А то как же! Нелегко перетряхнуть всю жизнь. Но работали мы много, упорно. Потом меня опять послали на курсы — шестимесячные, земледельческие. Я их окончила хорошо. Назначили меня бригадиром, стала заниматься выращиванием кукурузы и пшеницы.

Белане Шрот отбрасывает рукой волосы, упавшие на лоб, смотрит на закатное небо, окрашенное в ярко-розовые тона, и вдруг без всякой связи с предыдущим говорит:

— Постоит, наверное, еще погодка. Успеем убраться. Но и дождик еще нужен. Озимые просят.

Я слежу за ее лицом и вижу: о чем бы она ни говорила, ее думы о земле, о людях, об урожае. Я говорю ей об этом, а она:

— Да ведь как у матери главная забота — дети, так и у хлебороба главная забота — земля и урожай.

Потом она рассказывает о своей поездке в Советский Союз, которая произвела на нее неизгладимое впечатление.

Я спрашиваю ее о семье.

— Муж работает в кооперативе. Коммунист. Старший сын, Иожеф, служит в армии. Ефрейтор. Тоже начальник, — шутит Белане. — Второй сын учится на механика, а двух дочерей мечтаю послать в сельскохозяйственный техникум. Пусть будут грамотными земледельцами. Без науки теперь и в деревне не проживешь.

Расставшись с Белане Шрот, я думаю о том, как много дала народная власть венгерской женщине, открыв перед ней широкую дорогу в жизнь.

Мих. ДОМОГАЦКИХ

Коридоры в этом громадном доме пронизаны светом, а на окнах и около высоких белых дверей можно увидеть рамы, подрамники, гипсовые слепки, маски и торсы. Тут помещаются мастерские многих московских художников.

За чуть приоткрытой дверью тянется узкая полоска света. Наконец-то я застала хозяйку мастерской.

— Что же вам показать? — сокрушенно разводит руками Лидия Исаковна Бродская. — Здесь у меня мало работ, одни где-нибудь выставляются, другие еще не окончены.

Нет, не стоило художнице сокрушаться! В ее уютной мастерской, закрытые от взоров занавесками или отвернувшись к стене, словно еще стесняясь постороннего глаза, толпятся многочисленные этюды и наброски для будущих картин.

На своих полотнах художница воспроизводит неяркое очарование уголков Средней России, живописную величавость Кавказа, суровое раздолье Сибири.

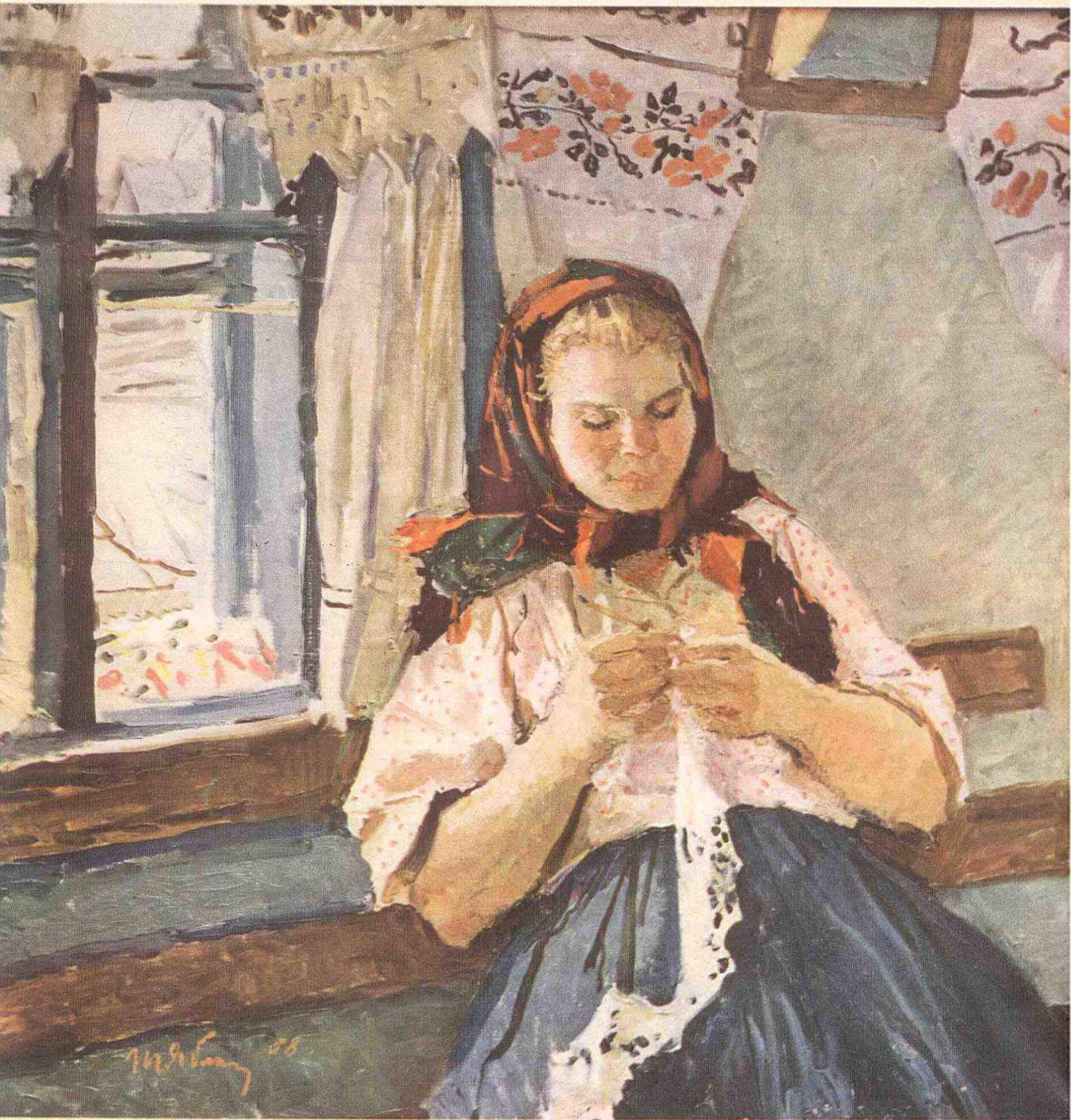
Пейзажи Лидии Исаковны Бродской близки сердцу всякого, кто любит природу.

Л. КАФАНОВА

УТРО. Л. БРОДСКАЯ.

ЗА ВЯЗАНИЕМ.

Т. ЯБЛОНСКАЯ.

Поэзию нельзя пересказывать; в ней важнее не рассудочные понятия, а душевные переживания, ощущения, мимолетные настроения. Пушкинское «Я помню чудное мгновенье...» — это не история одного знакомства, это жизнь просветленного чувства, видимого нам сквозь грустную пелену воспоминаний о прошлом.

Герцен однажды заметил, что «стихами легко рассказывается именно то, чего не уловишь прозой... едва очерченная и замеченная форма, чуть слышный звук, не совсем пробужденное чувство, еще не мысль...»

В последние годы советская поэзия расширила свои права; она овладела многими тысячами людей, ранее даже не догадывавшихся о волшебной силе слова. Стихи обрели новую глубину поэтической правды, они заговорили о каждодневных заботах и радостях человека. В них звучит раздумье о времени трудном и радостном, раздумье, идущее от сердца. Поэзия не отдых, а скорее нища для души; настоящая литература всегда говорит о насущном. Все это характерно и для публикуемых здесь стихов молодых поэтесс. Поэзия — это закреплённая в слове душевная жизнь людей, жизнь непосредственная, чистая, искренняя. Стихи воспитывают культуру чувства, о чем бы они ни толковали: о прошлом, настоящем или будущем. Вот почему сегодня так нужна поэзия; она важная часть того нравственного обеспечения коммунизма, о котором говорит наша партийная Программа.

В. ВОРОНОВ

Инна КАШЕЖЕВА

Моей матери

Нет, ни сад, над которым солнце
потухло,
Ни далекий морской причал...
Вспомнилась мне обычная кухня,
Голубоватый чад.

Оттого, что все во мне бурлило,
Мне казался узким твой удел.
В жизнь входила я, как балерина,
По ковру твоих забот и дел.

Но однажды вижу: руки в синьке,
Все хлопочешь, утварью звеня...
Педелом старухи керосинки
Фыркнули сердито на меня.

На тебя смотрю, как Юг на Арктику,
Вспоминая мысль свою одну,—
Мне хотелось к твоему халатику
Приколоть, как лилию, луну.

А теперь я знаю, это мало,
Это детство — обещать луну...
Я тебе как дар сегодня, мама,
Трудовые руки протяну.

Элида ДУБРОВИНА

Гнилушка

Ой, не видно ни звезд, ни месяца
В темном лесе, в болоте ночном,
Лишь гнилушка, мерцающая, светится
Голубым, красивым огнем.
И не светит она и не греет,
Только светится эта гниль!
Обойду стороной скорее
Шевелящиеся огни.
Что же это — приманка, ловушка
Или умной природы сигнал,
Чтоб никто во тьме на гнилушку
Не споткнулся и не упал?
...И когда ты мне снова встретишься,
Об одном спрошу, об одном:
«Что ж не светишь ты —
только светишься
Голубым, красивым огнем?»

Тамара ЖИРМУНСКАЯ

Четыре года

Четыре года нам должна
Четырехлетняя война.
Зима.
Тепло — по ордерам.
Меня под мальчика подстригли.
Галопом мчались по дворам
Отчаянные наши игры.
А «Гуси, гуси, га-га-га» —
Ребачество, а не игра!
Я в круглосуточном саду.
За чаем — жду.
Ночами — жду.

Я жду родительского дня,
Всех любят.
Только не меня!
Одна за толстыми дверьми
Стою.
Слезами щеки мажу.
— Конфетку, девочка, возьми!
Дай поцелую за мамашу...
Я не хочу, я не хочу,
Чтоб мне из жалости дарили!
Опять зима.
В руках верчу
Мороженые мандарины.
Солдат в ушанке их принес.
Солдат!
Не дедушка Мороз,
Четыре года нам должна,
Все детство нам должна война.
И вот уже который год
Она его не отдает.

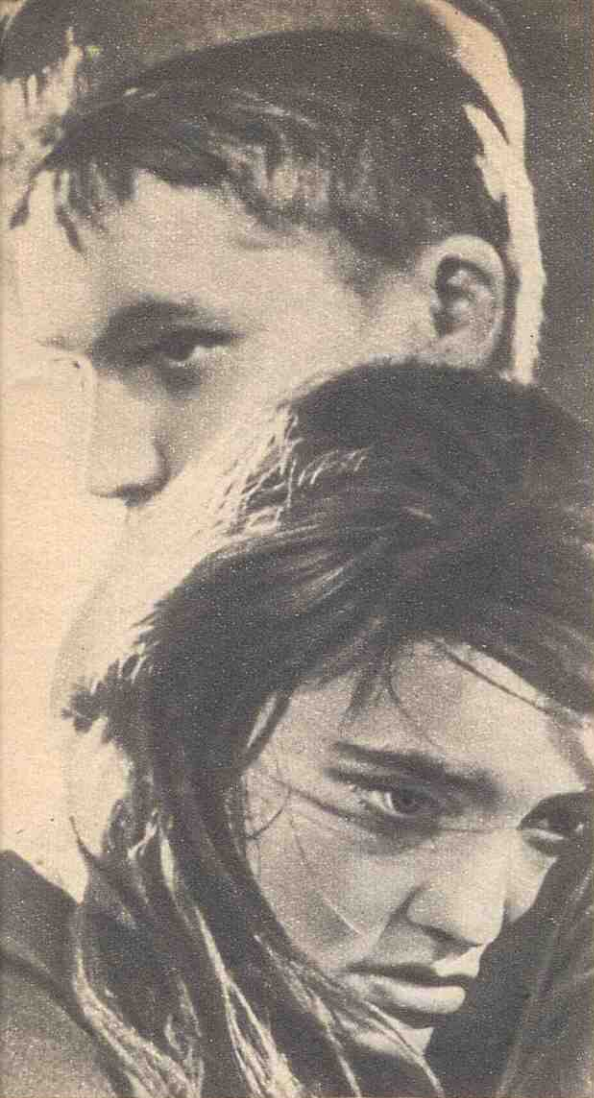

Ольга ФОКИНА

Про картошечку

Когда из подвальной сырости
Ее посадили в грядку,
Она торопилась вырасти,
Чтоб видеть солнце и радугу.
Крепкий росток, как бивень,
Пласт земли пробуравил,
Ей первый листочек расправил.
Куры, сплетницы огорода,
Кричали: «Не в мать вошла,
не в отца!»
Но уже через три восхода
С ней начал лопух раскланиваться.
И вдруг — хозяйка с засекой:
— Окрепла, моя голубушка?
Лопух увидела: — Экой!
И вырвала с корешком лопушка.
И через два мгновенья
На месте зеленых листочков
Встала с собственной тенью
Сырая рыхлая кочка.
Зашипела злорадно крапива,
Сжатая, брошенная на межи:
— Погибнеш-ш-шь, барыня
прихотливая,
Раньше нас или с нами же!
Но картошка помнила солнце,
Сквозь землю чувствовала луч его!
Наутро проткнула листком оконце
И подумала: «Ничего!»
...Когда мне трудно немножко
И кажется жизнь дремучею,
Я не плачу, а ем картошку,—
Ее ведь тоже окучивали.

Кадр из фильма «Баллада о солдате».

ЖАННА ПРОХОРЕНКО

Кадр из фильма «А если это любовь?».

Режиссер Григорий Чухрай заканчивал подготовку к съемкам фильма «Баллада о солдате». Кажется, все предусмотрено: до мельчайших подробностей продуман сценарий, выбраны места натуральных съемок, утверждены почти все актеры. Нет только главной героини, Шуручки, случайной попутчицы Алеши Скворцова, его первой и единственной любви.

Перед камерой оператора прошел уже добрый десяток претенденток на эту роль, а лицо режиссера все более мрачнело: «Не то, не то».

Героиня нашлась совсем случайно. У знакомых Чухрай увидел фотографию девушки: милое, простое лицо, чуть-чуть припорошенное веснушками, толстая длинная коса, вероятно, так тяжела, что оттягивает голову назад, глаза смотрят внимательно и немного грустно.

Выяснилось, что на снимке — Жанна Прохоренко, студентка 2-го курса школы-студии МХАТа. В тот же день Чухрай был там. И вот первый разговор с Жанной.

Сняться в кино? Девушка и удивлена, и обрадована, и растеряна. Появиться на экране, да еще в главной роли, перед миллионами зрителей — ведь об этом можно только мечтать.

Но студентам школы-студии сниматься строжайше запрещено: это нарушает учебный процесс. Принять предложение Чухрая — значит, распрощаться со студией, одним из лучших театральных вузов страны. А ведь еще неизвестно, получится ли из нее киноактриса. Как часто актер, привыкший к сцене, к полутьме притихшего зрительного зала, теряется на съемочной площадке: раздражает ослепительный свет «юпитеров», мешают сосредоточиться ассистенты, суеящиеся вокруг. Вдруг ее ждет провал? Что тогда будет с нею и с ее мечтой стать актрисой?

Девочкой начала Жанна выступать на сцене Ленинградского Дворца пионеров. А накануне отъезда в Москву руководитель драмкружка Леонид Николаевич Новиков сказал ей: «Я верю, придет день, и ты полным голосом заговоришь со сцены настоящего театра». Теперь это близко к осуществлению. Жанна уже играет, пусть небольшую, роль в театре «Современник». Решение же, которое она должна сейчас принять, может изменить всю ее жизнь...

Вечером Жанна еще раз прочитала сценарий, оставленный ей Чухраем. И все-таки ради этого фильма стоило рискнуть. Она ясно увидела себя в роли Шуручки, представила, как поссорится с Алешей при первой встрече и как будет волноваться, когда он отстанет от поезда. Вот она, маленькая, одинокая, прижалась к перилам моста, боясь пропустить Алешин поезд. Огромная радость встречи, а через несколько кадров она уже одна бредет по перрону, не зная еще, что потеряла Алешу навсегда.

К утру Жанна уже и не мыслила, что ее Шуручку сыграет кто-то другой.

Что было дальше — всем известно. «Баллада о солдате» стала событием. А зритель полюбил обаятельную, ясноглазую Шуручку, Шуручку Жанны Прохоренко.

«Баллада» с триумфом шла по городам мира. И после многих премьер за

рубежом на сцены кинотеатров Парижа, Праги, Сан-Франциско вместе с режиссером выходила Жанна.

Из зарубежных поездок в памяти актрисы остались не только растроганные слова взволнованных зрителей, но и назойливые вопросы буржуазных журналистов: «Какой гонорар вы получили за съемки? За какую сумму согласитесь сняться в будущем?» И Жанна — в который раз! — повторяла, что главное для нее совсем не деньги, а работа, работа над глубокой, интересной ролью.

И такая работа ждала ее. Режиссер Юлий Райзман поручил Прохоренко, теперь уже студентке ВГИКа, роль Ксени Завьяловой в фильме «А если это любовь?».

«Я с восторгом приняла предложение Юлия Яковлевича, — рассказывает Жанна. — Райзман — один из любимейших моих режиссеров, съемка в его фильмах — прекрасная школа для актеров. Еще Чухрай несколько раз показывал мне фильм Райзмана «Машенька» и повторял: «Учись, учись!» И действительно, этот светлый, поэтический фильм многому меня научил.

Что касается сценария, то он меня просто потряс.

Даже из своих жизненных наблюдений я знала, насколько правдив этот фильм. Как губят хорошие, чистые чувства, как порой мешают нам жить пошлость, мещанство, обывательщина!»

Эта роль принесла Прохоренко новый успех. Вспомним одну из лучших сцен фильма. Ксения и Борис, взявшись за руки, идут из лесу. Им так хорошо вдвоем, они уверены, что нелепая история с письмом забудется. И вдруг все резко меняется: сжалась, напряглась фигурка девушки — она увидела толпу женщин во дворе, окруживших ее мать. Требование матери подойти звучит сначала почти ласково, и вдруг две пощечины... В широко открытые, полные слез глаза Ксени страшно смотреть: столько в них отчаяния, боли от огромной, несправедливой обиды.

Блестяще показала актриса и то, как меняется Ксения под тяжестью свалившегося горя. В первых кадрах это озорная, веселая девчонка, беспечно радующаяся жизни. И вот последнее свидание с Борисом. Это та же Ксения и не та. У нее мертвенный, погасший взгляд, она ко всему безразлична. Грубое, бесцеремонное вмешательство в светлую, целомудренную любовь подавило и опустошило девушку.

Последняя работа Жанны — роль советской девушки Кати в фильме «Венский лес».

Кому, как не Жанне, потерявшей на войне отца, давать от имени своей героини отповедь молодому немцу из ФРГ, считающему, что войну предотвратить нельзя, что мгновенная смерть от атомного взрыва — лучшее разрешение всех противоречий!

Сейчас Жанна заканчивает 4-й курс ВГИКа. Впереди много ответственных дел, главное из которых — дипломный спектакль. И все же Прохоренко думает летом снова сниматься. На этот раз у нее будет роль русской девушки в итало-советском фильме де Сантиса «Они шли на восток».

Нового успеха тебе, Жанна!

В. БАШАРИНА

ЛЕЧИТЕ БЛИЗОРУКОСТЬ

В моей долголетней практике встречалось немало случаев, когда к нам, в Институт глазных болезней и тканевой терапии имени академика В. П. Филатова, обращались внезапно потерявшие зрение.

«Все время видела, неплохо видела, а потом вдруг ни с того ни с сего ослепла», — плакала недавняя моя пациентка, доярка одного из одесских колхозов. Но ослепнуть вот так, «ни с того ни с сего», нельзя. Как выяснилось, эта девушка с детства страдала близорукостью, но никогда не лечилась. Она работала наравне со всеми, ей приходилось поднимать тяжести. Почти полная потеря зрения — отслойка сетчатки на задней стенке глаза — расплата за невнимание к своему здоровью.

На зрение детей обращается недостаточно внимания, особенно в сельской местности. Даже те дети, у которых врач обнаружил близорукость, не хотят носить очки, боятся, что товарищи задражают. А родители и учителя не проявляют достаточной настойчивости, по-видимому, потому, что ребенок при начальной близорукости еще хорошо видит. Они забывают о том, что, если не принять вовремя мер, близорукость будет усиливаться, а зрение все ухудшаться и ухудшаться.

Ребенок с плохим зрением отстает в развитии от своих сверстников. Боясь споткнуться, упасть, он не решается играть и бегать наравне с другими. Мышцы и сердце его не тренируются, ребенок становится вялым и хилым, у него портится характер — появляется раздражительность, повышенная возбудимость. Между тем современная медицина в состоянии если не полностью излечить близорукость, то, во всяком случае, задержать ее развитие.

Чем же вызывается этот недостаток зрения, и какие средства борьбы с ним нашли врачи?

Глаз человека — почти правильной формы шар, недаром называют его глазным яблоком. Он покрыт плотной белой оболочкой, лишь впереди прозрачная роговица, за которой виден диск радужки — коричневый, голубой, серый — с окошечком-зрачком посередине. Зрачок обычно кажется черным, как выглядят черными окна домов, когда внутри дома темно.

Через зрачок в глаз проникают лучи, идущие от освещенных предметов. Падая на заднюю стенку глаза, сетчатку, лучи раздражают нервы, обильно устилающие ее. Это раздражение передается в мозг, и человек видит то, что находится перед его глазами. Но чтобы изображение получилось четким, лучи должны сойтись в пучок именно на сетчатке.

Происходит это при помощи роговицы и находящегося в глубине глаза хрусталика, маленькой живой линзы.

Форма хрусталика все время меняется. Когда человек рассматривает отдаленные предметы, хрусталик вытягивается. При письме, чтении он становится выпуклее. У людей, страдающих близорукостью, хрусталик всегда слишком выпуклый, и поэтому отдаленные предметы кажутся им расплывчатыми. Но бывает, что хрусталик работает нормально, а человек жалуется: «Все, что далеко, вижу словно в тумане». Это происходит тогда, когда глаз, как говорят врачи, слишком «длиннен», то есть расстояние между хрусталиком и задней стенкой глаза чересчур велико и лучи собираются в пучок, не достигнув сетчатки.

Близорукость редко бывает врожденной. В большинстве случаев она возникает в первые школьные годы, когда зрение ребенка получает значительно большую, чем прежде, нагрузку.

Страдают близорукостью, как правило, люди, у которых ослаблена белковая оболочка глаза. От напряжения при длительном рассматривании предметов вблизи — чтении, письме, особенно если организм ослаблен какой-либо болезнью, белковая оболочка растягивается, форма глаза меняется и расстояние между хрусталиком и сетчаткой увеличивается. При близорукости, как и при дальнозоркости, необходимы очки, которые помогают роговице и хрусталику собрать в пучок лучи как раз на сетчатке, в результате чего зрение улучшается.

Как восстановить зрение девочки? Врач Л. И. Федорова советуется с заведующим отделением В. В. Snorodinskой (слева).

Фото А. ШАПИРО.

Если начать носить очки вовремя, можно задержать развитие близорукости. А главное — избежать осложнений. Ведь плохо видящий человек чаще болеет, подвергается травмам. Это приводит к кровоизлиянию в глаз или к помутнению заполняющего его стекловидного тела.

Именно поэтому же близоруким и не следует поднимать тяжести. Это таит еще одну угрозу несчастья: ослабленная оболочка глаза может не выдержать, сетчатка оторвется от задней стенки — и наступит слепота.

Матери должны уделять близоруким детям особое внимание: не разрешать читать при плохом освещении, а во время приготовления уроков заставлять их делать перерыв через каждый час, чтобы глаза ребенка отдохнули.

Справиться с близорукостью помогает правильное питание. Пища должна быть богата белками, витаминами, солями кальция — всем тем, что укрепляет оболочку глаза. В рационе близорукого ребенка должны быть молоко, мясо, овощи и фрукты.

Но бывает, что и вовремя приобретенные очки, и соблюдение режима, и полноценное питание не могут остановить развитие близорукости. День ото дня человек видит все хуже и хуже. Тут уж требуется специальное лечение. Хорошие результаты дает тканевая терапия, когда в качестве лечебных средств выступают лекарства, полученные из тканей животных или растительных организмов.

Честь открытия и разработки этого метода лечения принадлежит замечательному советскому ученому академику Владимиру Петровичу Филатову.

За долгие годы своей жизни академик Филатов вернул зрение тысячам людей, глаза которых были затянuty бельмом. Он вырезал часть бельма и вместо него вставлял кусочек прозрачной роговицы, взятой из глаза недавно умершего человека. В. П. Филатов обратил внимание на одно, казалось бы, странное явление: гораздо лучше приживлялась и не только не мутнела, но даже высветляла оставшийся рядом кусочек бельма та роговица, которая несколько часов, а то и дней хранилась на холоде. Из своих наблюдений ученый сделал вывод: ожесточенную борьбу за жизнь ведет не только организм в целом, но и каждая его часть. И в глазу, вынутом из трупа и помещенном на холод, каждая клетка восстает против распада, смерти, в ней вырабатываются особые вещества, поддерживающие жизнь.

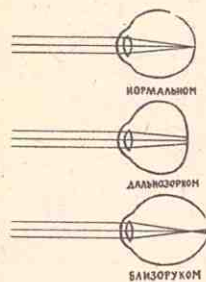

В. П. Филатов назвал эти вещества биогенными стимуляторами — возбудителями жизни. И, что особенно важно, он установил, что биогенные стимуляторы благотворно влияют и на чужой организм, усиливают его жизнедеятельность. Вот почему лучше приживлялась не свежая, а предварительно консервированная на холоде роговица.

Уже ряд лет тканевая терапия успешно применяется в нашем институте. Многие болезни, например, язвы кожи, долгое время не поддававшиеся лечению, теперь успешно исцеляются при помощи биогенных стимуляторов.

Опыты показали, что тканевая терапия — могучее средство и в борьбе с близорукостью. Биогенные стимуляторы укрепляют белковую оболочку глаза.

Ход лучей в глазу:

Сначала в качестве лечебных средств пользовались животными тканями, их вытяжки вводили больному в виде инъекций или делали посадку. В дальнейшем выяснилось, что и в растениях, помещенных в неблагоприятные, но не убивающие их условия, в частности в темноту, также развиваются биогенные стимуляторы. Пользоваться ими гораздо удобнее. Мы проводили опыты с различными растениями: агавой, подорожником,

издавна славящимся в народе своими антисептическими свойствами, свекольной ботвой. Наиболее выгодно показало себя широко распространенное растение — алоэ, в обиходе его чаще называют столетником, оно обладает сочными, мясистыми листьями.

Для лечения близорукости назначают 3—4 курса тканевой терапии в год, преимущественно в виде инъекций — вливаний в мышцы экстракта алоэ, по 30 уколов на курс. Экстракт алоэ можно принимать и внутрь. Такое лечение проводят даже в домашних условиях. Тем более, что экстракт этого растения приготовить легко.

Листья алоэ срезают у основания, завертывают в плотную бумагу и кладут в прохладное место на 15—18 дней. За это время в них и вырабатываются биогенные стимуляторы. Потом листья моют, обсушивают, мелко нарезают, растирают в тарелке или фарфоровой ступке, заливают водой — на 100 граммов листьев 30 граммов воды — и настаивают 2 часа. Настой кипятят, но не дольше 3 минут, процеживают через марлю и еще раз кипятят минут пять. После охлаждения экстракт переливают в заранее промытые и прокипяченные бутылочки и хранят в прохладном месте.

Принимать экстракт можно, только предварительно посоветовавшись с врачом. Есть болезни, при которых вытяжки алоэ противопоказаны. Курс лечения продолжается 45 дней. Взрослые принимают экстракт по столовой ложке два-три раза в день, дети от 10 до 15 лет — по чайной ложке, тоже два-три раза в день. А малыши от 5 до 10 лет — два раза в день. Самым маленьким дают дважды в день по 15 капель экстракта алоэ.

Близорукость можно и нужно лечить!

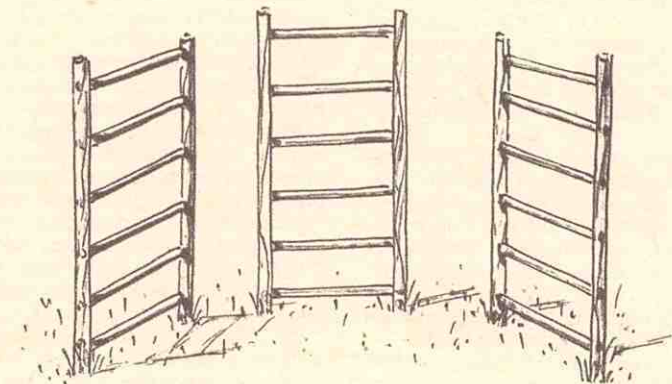
В. СКОРОДИНСКАЯ,
зав. отделением тканевой терапии Института глазных болезней
имени академика В. П. Филатова
г. Одесса.

КАК ОРГАНИЗОВАТЬ ДЕТСКУЮ ПЛОЩАДКУ

БЕСЕДА ВТОРАЯ

Жизнь детей на площадке должна идти по строго установленному режиму. Завтрак, игры и занятия, обед, сон — все в свое время. Так как ребята проводят много времени на свежем воздухе, при каждой детской площадке огородите и оборудуйте участок для гулянья. В затененном месте вкопайте 2—3 столба, которые послужат опорой для скамеечек со спинками. Здесь дети будут играть, рассматривать книги.

Для развития ловкости хорошо обтесать и укрепить сантиметрах в 20 от земли бревно, на котором малыши

учатся сохранять равновесие. Кроме того, хождение по бревну босиком укрепляет стопу ребенка. Ребята

охотно лазают по вкопанным в землю лесенкам. Обязательно надо устроить детям качели.

Одно из любимых развлечений самых маленьких — игры с песком. Устройте им песочный дворик: место, где насыпан песок, обнесите небольшой оградой высотой в две доски, поставленные на ребро. Размер такого дворика — примерно 2,5×2,5 м.

Очень удобны для разнообразных игр небольшие легкие скамеечки. В конце сиденья нужно сделать небольшое отверстие, в которое дети могут вставить флажок или «пропеллер». Взяв в руки «руль» или

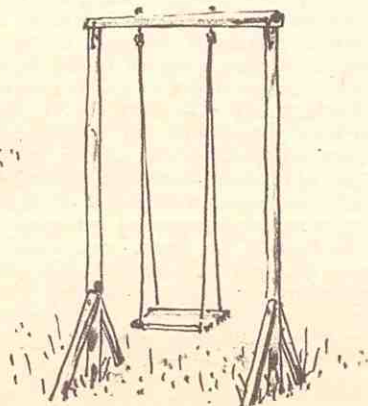
«штурвал», ребенок уже воображает себя трактористом, шофером или летчиком.

Для игр на участке также хорошо иметь несколько досок, ящиков, предварительно обструганных. Из них дети сооружают самые разнообразные постройки для своих игр.

Время, которое отводится для гулянья, можно использовать и для воспитания у ребят трудовые навыки. Старшим дошкольникам по силам разбить на участке цветник и небольшой огород. А ухаживать за цветами и овощами помогут и малыши — они будут поливать клумбы и грядки, на детских тачках подвозить землю. Для таких занятий нужно завести маленькие грабли, носилки, тачки.

Все это оборудование сделать совсем нетрудно. Его могут изготовить даже старшие школьники в своих учебных мастерских.

Е. БАТУРИНА,
заместитель директора
Центрального методического
кабинета дошкольного
воспитания Министерства
просвещения РСФСР

ГОРЯЧИЙ СЛЕД

Очень многие, видимо, могут представить себе его лицо по памяти: гладкую прическу, крупный нос, щетку усов и внимательные глаза за круглыми, в проволочной оправе очками, которые прежде так и назывались — «учительские». Антон Семенович Макаренко. «Удивительный человек» — так в названии одной из книг единодушно выразили свое впечатление о Макаренко авторы воспоминаний.

Антон Семенович Макаренко начал свой путь «народным учителем» — преподавателем начальной школы старой России. Это было в начале нашего века. Педагогическая наука в то время была на распутице. Брожение в ней ощущала не только Россия, но и другие страны. Однако не они, а именно молодая Республика Советов показала миру, как следует воспитывать человека. Позднее Антон Семенович не раз подчеркивал, что истинным автором новых методов воспитания является революция, социалистический строй. Туманные, заведомо несбыточные надежды воспитать идеальную и гармоничную личность сменились в педагогике четкой, конкретной задачей — ковать борцов за народные интересы.

Макаренко первый подал пример воспитания по-новому — и какой пример! В 1920 году он был назначен заведующим колонией для малолетних беспризорников. Туда приходили самые безнадежные — воры и бродяги, дети дна. Вокруг царила разруха. Однако и в этих исключительных условиях новая педагогика побеждала. Прежде всего Макаренко считал нужным забыть прошлое колонистов, даже не расспрашивал о нем, отворачивая от папок с личными делами новичков. Как можно больше доверия и как можно больше требовательности — таков был его девиз. В колонии подростки учились и вели собственное хозяйство, не просто даже хозяйство, а настоящее производство — они первыми в нашей стране освоили выпуск электросверл и фотоаппаратов «ФЭД». Труд в коллективе, интерес к заведенным самими порядкам, красивым обычаям, празднествам, смена одного замысла другим, еще более увлекательным, трудным — все это воспитывало высокое сознание, коммунистическую мораль. Из вчерашних хулиганов выходили замечательные люди: инженеры, врачи, педагоги, летчики, ученые.

О своем опыте Макаренко с огромным писательским мастерством рассказал в романах «Педагогическая поэма» и «Флаги на башнях». В последние годы его жизни к ним прибавилась «Книга для родителей», в

которой Макаренко задумал подвести читателя к наиважнейшей разгадке: как из каждого ребенка воспитать счастливого человека. Все эти книги, а также многочисленные статьи, выступления Макаренко составляют живую энциклопедию знаний для тех, в чьем доме звенит детский щебет.

— Семья — коллектив, — говорил Макаренко, — и этот коллектив должен жить дружно. Нехорошо, когда дети замечают раздоры между взрослыми. Обсуждение острых семейных дел, скажем, те же споры о воспитании, лучше вести в отсутствие детей. Крайне вреден для воспитания раскол семьи. Если уж он неизбежен, то должен происходить спокойно, чтобы в глазах ребенка не падало достоинство отца и матери. Свои указания детям родители должны согласовывать. Плохо, когда их распоряжения противоречат и ребенок не знает, «кого слушать». За проступки не стоит выговаривать всем вместе или по очереди. Лучше, если это делает кто-нибудь один: мать или отец.

В некоторых семьях ребенок чувствует себя «главным». Пятилетнего карапуза родители, случается, уговаривают отпустить их в кино. Это неверно. «Никаких жертв, — писал Макаренко, — никогда, ни за что». Ребенок должен не только испытывать заботу о себе, но и привыкать заботиться о родителях. Нужные привилегии, например, в питании, следует делать незаметно, и если сын или дочь угостят вас своим лакомством (даже в ущерб себе), никогда не отказывайтесь, потому что такой отказ развивает у малыша себялюбие.

Макаренко не раз подчеркивал, что для воспитания гораздо благоприятнее многодетная семья, пусть даже в материальном отношении ей приходится жить скромнее.

Родительский авторитет не должен держаться на каком-то одном главном чувстве. Макаренко осуждал такие ложные авторитеты, как «авторитет подавления», чрезмерной строгости (мы уже не говорим о побоях: они полный крах воспитания), «авторитет любви», которым часто грешат мамы и бабушки. «Это очень опасный вид авторитета, — указывает Макаренко, — он вырачивает неискренних и лживых эгоистов. И очень часто первыми жертвами такого эгоизма становятся сами родители». Так же протестовал педагог против всякой неумеренности в доброте, наставничестве, кормлении и т. д. А самым безнравственным видом «авторитета» он считал подкуп: «будешь слушаться, куплю куклу». Подарки и премии должны быть чистой радостью, а не «платой», не «расчетом».

Игры — подлинная стихия детей, с них начинается трудовое воспитание. Из этого, однако, не следует, что чем больше в доме игрушек, тем лучше. Обилие игрушек просто вредно. Полезнее всего покупать кубики, конструкторские наборы. А самое лучшее — игрушки-материалы: пластилин, глина, картон, слюда, провода, гвозди. Они учат ребенка изобретать, строить — словом, развивают творческую жилку.

Детей надо постепенно и настойчиво приобщать к домашним делам. Лучше не поручать им «что-то» от времени до времени или все сразу, а выбрать постоянные поручения — звать ли всех к столу или следить, чтобы в доме не кончилось мыло, зубной порошок. За выполнение этих поручений не следует нахваливать и ни в коем случае нельзя ругать, стыдить, если поручение забыто. Надо обязательно напомнить и обязательно добиться выполнения. С малого начинается большое. Каков ребенок в игре, таким он будет в работе, когда вырастет.

Наконец, последний, универсальный совет Макаренко: помните, что решающее значение в воспитании имеет ваше собственное поведение — всегда и во всем. Детям надо подавать достойный пример, как делал Макаренко.

В этом месяце исполняется 75 лет со дня рождения Антона Семеновича. Этот человек достоин радостной памяти. Он был строг до суховатости и требователен до придирчивости. Но воспитанники между собой звали его «наш Антон», а последователи назвали великим педагогом. В напряженные годы становления нашего строя он прошагал по жизни твердой поступью, отмахивая сапогами длинную поющую шинель, как у Дзержинского. По его нестынувшим следам мы пуускаем бежать наших косолапых, вприпрыжку скачущих ребятишек. И должны научить их и его размашистому шагу.

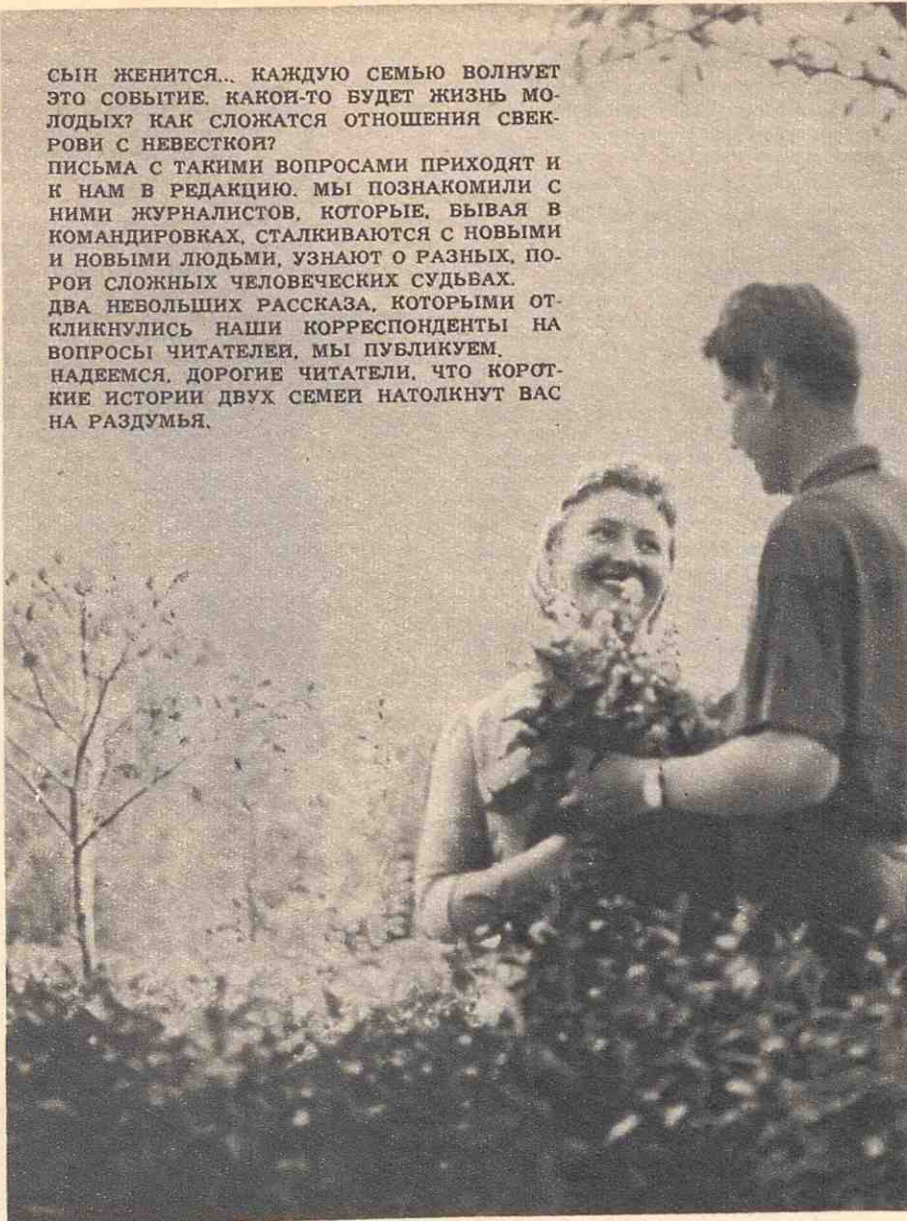
Вит. МОЕВ

Рисунок Е. БРАСЛАВСКОГО.

СЫН ЖЕНИТСЯ... КАЖДУЮ СЕМЬЮ ВОЛНУЕТ ЭТО СОБЫТИЕ. КАКОЙ-ТО БУДЕТ ЖИЗНЬ МОЛОДЫХ? КАК СЛОЖАТСЯ ОТНОШЕНИЯ СВЕКРОВИ С НЕВЕСТКОЙ?

ПИСЬМА С ТАКИМИ ВОПРОСАМИ ПРИХОДЯТ И К НАМ В РЕДАКЦИЮ. МЫ ПОЗНАКОМИЛИ С НИМИ ЖУРНАЛИСТОВ, КОТОРЫЕ, БЫВАЯ В КОМАНДИРОВКАХ, СТАЛКИВАЮТСЯ С НОВЫМИ И НОВЫМИ ЛЮДЬМИ, УЗНАЮТ О РАЗНЫХ, ПОРОЙ СЛОЖНЫХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СУДЬБАХ. ДВА НЕВОЛЬЩИХ РАССКАЗА, КОТОРЫМИ ОТКЛИКНУЛИСЬ НАШИ КОРРЕСПОНДЕНТЫ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ, МЫ ПУБЛИКУЕМ. НАДЕЕМСЯ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ, ЧТО КОРОТКИЕ ИСТОРИИ ДВУХ СЕМЕЙ НАТОЛКНУТ ВАС НА РАЗДУМЬЯ.

ЦВЕТ ЯБЛОНИ

Мальчишкой Саша принес откуда-то несколько саженцев яблони и посадил перед домом. Это был тот особенный сорт, который в их местах зовется «зарей». Яблони долго не плодоносят, зато, когда появляются на них некрупные красные плоды, они сочны и сладки.

Яблоньки росли вместе с Сашей, но, несмотря на его заботы, не зацвели. Саша окончил семилетку, стал работать трактористом, а они, сильно подавшись в рост, все не давали завязи.

— Выкопать бы их,— говорил отец,— да антоновку посадить. Вон какая ядреная антоновка в колхозе.

Никифор Иванович — председатель колхоза, да не простого, а передового. Смекалистый руководитель, выдумщик. Как говорят на соб-

раниях, инициативный. Один год поджал с трудоднями — понастроил парников. На следующий — от цветочной рассады сто тысяч выручил. Одни анютины глазки такой доход принесли, что сказать — не поверите... Вот и трудно ему примириться, что бесплодные яблони место занимают... Хмурится отец на сына, хоть в душе гордится им: упорен, настойчив парень. Потому и среди молодых трактористов едва ли не лучший.

...Жила на краю села Таня Бочкарева — Сашина однолетка. Росли ребяташки, не замечали друг друга. А случилось, встретились однажды под вечер на дороге, и увидел Саша, что ни у кого нет таких доверчивых веселых глаз, как у Тани, таких тонких, нежных рук. И Таня, словно впервые, посмотрела в доброе лицо Саши. Скрывая друг от друга счастье и удивление, они пошли вместе. Дорога оборвалась у реки. Они проговорили до тех пор, пока не начала таять в закатлившем небе луна. И когда они заметили это, разом вскочили и побе-

жали, страшась и радуясь нависшей над их головами домашней грозе.

С тех пор не мог Саша прожить дня, не повидавшись с Таней. Он приходил к ней на птичник, заходил домой, и Танина мама всякий раз радовалась его приходу. И уже ни для кого в селе не было тайной, что Саша с Таней «гуляют»... Смешное слово! Светлое чувство к человеку, которое радостно, бережно несешь в душе, называют «гуляньем». Но Саша с Таней не думали о том, что о них говорят: они были счастливы.

Миновала осень. Прошла зима. И как-то утром увидел Саша: яблоньки его в бело-розовом наряде. Они зацвели все разом, дружно покрылись некрупными точеными соцветиями. Он сразу подумал о Тане, представил себе радость матери, когда она узнает, что он решил жениться...

Отец за столом шутил, как всегда:

— Зацвела, Мичурин, твоя «заря».

А я не верил. Каюсь. Теперь яблочек будем ждать. Только ты не форси: первый цвет, он нежный, и замерзнуть может, а ветер ненароком подует — облетит раньше времени.

Саша не мог есть, смотрел то на отца, то на мать. Не знал, как начать разговор...

— Прошу, вроде бы сказать, вашего разрешения...

— На ком? На Таньке?!

Отец стукнул кулаком по столу. Со звоном подпрыгнула кастрюля.

— Не бывать такому!

Мать затараторила:

— Мы думали, ты с ней так, а она тебя, простака, обкрутить задумала!..

— Это как же так? — в волнении спросил Саша.

— А так, как возраст твой, дурень, требует!

Саше показалось, ком грязи бросили ему в душу. Оборвали в ней самую тонкую, самую нежную струнку... Что случилось? Отчего так зло смотрят на него и отец и мать?

— Да за что вы так на нее?

— Все они, Бочкаревы, гульливые. Такое семья. И бабка Танькина, Федосья, от мужика своего бегала и мать...

Из кухни кликнули бабушку.

— А что, мамаша, верно, Федосья в сарае от Михаила бегала?

— Бегала, беспрерывно бегала. Всем про то известно. Ни пешего, ни конного, бывало, не пропустит...

— И Ольга хороша,— угрюмо пробасил отец.— Ютится под старость в развалюшке убогой. Что она девке оставит? Не о том думала, о чем люди...

— Но при чем же тут Таня?

— А при том, что от своей породы не уйдешь.

— Не смеете вы, мама, обижать Таню. Я люблю ее...

— Люблю?! Беспута Танька твоя, беспута и есть!

...С того дня только и разговору в селе, что Саша, уважительный, смиренный, против родительской воли женился на Танюшке Бочкаревой и ушел из председательских хором в полуразваленную хибарку на краю села.

Теперь вы, Анися Петровна, ходите по опустевшему, унылому дому, плачете в голос, будто по покойнику. Жалуетесь соседкам:

— Ночная кукушка дневную перекуковала, из дому сына увела...

Но разве вы правы? В самый светлый для сына час вы жестоко ранили его. Вы невзлюбили девушку, которой дорог ваш сын, которая поспешит в трудную минуту ему на помощь, вызволит из беды. Неужели не радует вас, что есть у вашего сына верный друг?

Почему забыли свою молодость, забыли, как тоненькой тростинкой долгими вечерами простаивали у плетня с вихрастым пареньком в потертой гимнастерке, робко косясь на родительское окно? И верили, что в этом пареньке — ваша жизнь...

А вы, Никифор Иванович, какой же вы передовой? Только любите таким казаться. Мечталось вам, возьмет сын в жены учительницу, первую невесту на селе — образованную да с каменным домом. Никому, конечно, вы в этом не признаетесь, а ведь так планировали. Потому и бушуете, ругаете сына.

Лучше других вам известно: скромная, трудолюбивая девчонка — Ташюшка Бочкарева.

Пройдут годы. Помиритесь вы с сыном. С годами затянется рана и в его сердце. Но навсегда останется от нее след. А разве не вы, старшие, любящие, многоопытные, должны были чутко оберегать первый, нежный цвет любви ваших детей? Разве не вам понимать, что нет более сложного, более таинственного, более прекрасного чувства, чем первая любовь, которая светит человеку до последнего дня?

Ирина МАЕВСКАЯ

СИНИЕ ВАРЕЖКИ

В первый раз мать увидела ее позапрошлой весной майскими сумерками.

Девчонка остановилась у калитки, крепко держась за руку сына, смело посмотрела в сторону матери. У той дрогнуло сердце и опустились большие обветренные руки. Но она улыбнулась девчонке. Улыбка получилась растерянной.

Гриша с трудом отвел от девчонки зачарованные глаза и весело сказал: — А это вот Леля, мам... Она к нам на практику приехала. В городе на агронома учится.

Осенью отшумела свадьба. А теперь снова набухают горьковатые почки и слабо теплятся апрельский сиреневый вечер.

Мать сидит у окна, уронив на колени уставшие за день руки, и прислушивается к звенящей боли, поселившейся в ней с той самой весны, когда она впервые встретила с девчонкой.

Да и как не прислушиваться, если изо дня в день нанизываются на нить жизни одна за другой крупные и мелкие обиды!

Мать сидит и перебирает их в своей памяти.

Вот одна из них. Мать торопилась домой с фермы, где почти полжизни проработала телятницей. Еще с утра

она замесила тесто. Решила напечь сыну с невесткой пирогов с капустой, с грибами, с яблоками.

Она вошла в дом и, еще не раздеваясь, почувала неладное. Огляделась: в комнате было необычно просторно.

«Лишние вещи вынесла, значит, в сарай, — подумала она о невестке. — Что ж, ее дело». Мать поджала губы и настороженными глазами обвела стены. Но... здесь же висела фотография мужа!

С той поры, как Василий не вернулся с фронта, мать привыкла подолгу смотреть на фотографию, на молодое лицо Василия, и память водила их вместе по рябиновой рожице, выкладывала росным серебром тропинки, протоптанные к озеру, в котором зыбились по ночам россыпи звезд.

Сейчас в простенке между окнами пусто. Мать все еще стояла посреди комнаты, когда дверь скрипнула и на пороге появились Григорий и Леля.

Веселая, пышущая жарким румянцем невестка прошла к окнам, развела руками.

— Смотри, Гриша, я все лишнее в сарай выбросила, и в доме светлее стало, правда?

На Лелю упал медный сноп солнечного света — она потянулась навстречу Грише легким золотистым одуванчиком, и он радостно обнял ее крепкой горячей рукой.

— Где фотография отца? — глухо бросила мать.

— Это та, в старой рамке? — быстро обернулась Леля и, защищаясь от сердитых глаз свекрови, бойко ответила: — Я ее на кухню отнесла. Теперь не модно фотографии на стенку вешать!

Мать потемнела лицом, но промолчала.

С тех пор она упрямо несла в дом старые ящики, стулья, корзины. Леля посматривала на нее веселыми зеленоватыми глазами и вытаскивала старые вещи во двор.

Мать знала, что не права, но не могла простить невестке снятой со стены фотографии мужа и упорно стояла на своем.

Шло время, и узел непрощенных обид завязывался все туже. Теперь даже трудно вспомнить, из-за чего вспыхивали частые шумные ссоры. Они налетали неожиданно и неотвратимо, как ветер, оставляя на душе горький осадок.

Начались нелады и у Лели с Гришей. Ссорились они по пустякам. Мать могла бы тут же помирить их, но никогда не делала этого. Наоборот, ссоры, пожалуй, даже радовали ее. Но чем отчаянней шумели молодые днем, тем дольше и ласковой шептались по ночам. А утром мать смотрела на воронова крыла волосы сына, смешанные с медно-золотистыми Лелиными, и невольно улыбалась.

Но начинался новый день, и приходили новые обиды.

Вот и сейчас. Стукнула калитка во дворе — мать насторожилась. Плеснулась на крыльце зеленая шелковая юбка Лели, застучали каблучки, и она уже сунула в комнату свой дотошный нос.

— Мама, вы что же, поросенка хлебом кормить собираетесь?

Мать шевельнула жилистыми шершавыми руками. Устала она. Не успела картошки наварить...

Тут и сказать бы ей ласково: «Навари, доченька, поросенку похлебки. Не со зла же я хлеб потравила». Но она промолчала, нахмурилась: сама разве догадаться не может? Леля между тем присела на сундук и усталым голосом стала отчитывать мать:

— Хлеб скотине! Его надо посеять, потом убрать, смолот, отвезти в пекарню...

Несколько минут мать сопротивлялась надвигающемуся чувству досады, но наконец не выдержала и стала говорить Леле что-то свое, совсем не относящееся к делу, зато очень обидное и наболелшее.

Они не слышали, как вернулся с работы Гриша.

Ссора разгоралась, как костер из еловых смолистых веток.

Грише стало не по себе. Он жалел и мать и Лелю. Стоял посреди комнаты, беспомощно опустив руки, пытаясь помирить распалившихся женщин. Он бросился было к Леле, но она, словно ножом, полоснула его взглядом и крикнула:

— Тряпка! У тебя под носом скотине хлеб травят, а ты губы развесил. Размазня! Презираю!

Повернулась и изо всех силхватила дверь.

Всю ночь Гриша тяжело ворочался на кровати, но искать Лелю не пошел, и мать искренне радовалась за сына:

— Упрямый и гордый. Чисто Василий...

Леля пришла на другой день к вечеру. Гриша был на занятиях в вечерней школе. Леля знала об этом. Она независимо простучала каблучками мимо матери, тяжело топтавшейся возле печки.

Сбросив на лавку весеннее пальтишко, выхватила из-под кровати свой чемодан и стала швырять в него юбки, кофточки, платья. Она всегда была нетерпеливой, а сейчас вещи и вовсе не хотели ложиться в чемодан. Они выширляли наружу, свешивались через край. Наконец она захлопнула крышку и в сердцах рванула чемодан к себе, чемодан открылся, его содержимое оказалось на полу.

Мать глянула на разноцветный ворох и затаила дыхание.

Рядом лежали крошечные шерстяные варежки и маленькая беспомощная распашонка. Мать нагнулась, подняла их и посмотрела на невестку. Розовый припухший нос, усыпанное веснушками бледное лицо.

— Доченька ты моя... Да как же я раньше-то не заметила? Прости меня, дуру старую... — выдохнула мать и пошла навстречу Леле, крепко прижимая к груди синенькие варежки и распашонку.

Леля посмотрела в выцветшие, как старый ситчик, теплые глаза матери и доверчиво ткнулась в ее плечо горячим носом. Все вздорное вдруг само собой растаяло, растворилось, отступило назад.

Ремида РАДОВСКАЯ

УХОД ЗА ОДЕЖДОЙ

Чтобы вещь долго служила и всегда выглядела свежей, ее нужно раз в месяц почистить и хорошенько утюжить.

Бензиновое мыло — лучшее средство для чистки одежды. Оно не только удаляет жировые и другие пятна, но и хорошо освежает заношенные вещи. Его можно легко приготовить в домашних условиях.

В чистом сосуде нагревают до кипения пять столовых ложек мелко настроганного туалетного мыла (лучше детского) и пол-литра воды. Расплавленному мылу дают остынуть и в чуть теплый раствор вливают полстакана чистого бензина. В хорошо вымешанный состав добавляют три столовых ложки нашатырного спирта, и все снова размешивают. Готовое бензиновое мыло хранят в закрытой посуде, тщательно закупорив ее.

Прежде чем приступить к чистке этим мылом, одежду выколачивают и тщательно очищают щеткой от пыли. После этого вещь раскладывают на столе, покрытом чистой клеенкой. В первую очередь чистят перед, который обычно наиболее сильно загрязнен. Бензиновое мыло втирают в воротник, лацканы, нижнюю часть рукавов, переднюю часть пиджака, брюк и юбок. Менее загрязненные места одежды можно чистить бензиновым мылом, разбавленным пополам теплой водой. Минут через двадцать мыльный состав смывают теплой водой с помощью жесткой тряпки. Смывать нужно до тех пор, пока остатки мыла не будут удалены полностью. Очищен-

ную вещь после просушки осматривают, и обнаруженные пятна, обычно застарелые жировые, дополнительно очищают смесью чистого бензина и сухой картофельной муки, взятыми в равных долях. Закончив чистку, вещь нужно утюжить на столе или гладильной доске, положив на нее толстое сукно или одеяло.

УТЮЖКА ПИДЖАКОВ

Сначала гладят рукава, причем складку вдоль рукава заглаживать не надо. Гладить нужно через влажную, не имеющую рубцов и неворсистую тряпку. Чтобы удалить пар после глаженья, выутюженное место постукивают щеткой. После рукавов утюжат грудь. Особенно тщательно следует гладить лацканы и воротник. Отглаживая новую деталь, тряпку нужно заново смочить водой и отжать.

УТЮЖКА БРЮК

В первую очередь нужно прогладить обычно растянутые коленные части, образующие «пузыри». Эти части брюк покрывают мокрой тряпкой и ставят на нее горячий утюг. После этого брюки складывают вдоль старой складки, выравнивая при этом боковые швы, и сильно заглаживают складки. Затем утюжат сиденье и карманы.

УТЮЖКА ЮБОК

Юбки рекомендуется гладить на гладильной доске. Сначала гладят юбку у пояса. При глаженье юбок с частыми складками следует, прогладив одну складку, положить на нее полоску бумаги и только потом гладить следующую. Это делается для того, чтобы не оставить вмятины на нижней складке. Чтобы складки лежали на своих местах, их можно скрепить булавками или слегка сметать. Складки лучше гладить с лицевой стороны, накрыв ткань влажной тряпкой и проводя по ней утюгом без нажима. С изнанки складки гладят с большим нажимом, так, чтобы резко обозначились их очертания. Утюг следует аккуратно переставлять с места на место. Для того чтобы пар не подымал заглаженную складку, по материи ударяют щеткой. Ворсовые ткани гладят только по направлению ворса, в особенности если глаженье производят с лицевой стороны.

УДАЛЕНИЕ ГЛЯНЦА С МАТЕРИИ

Глянец с шерстяной материи удаляют, проглаживая ее через двойную прокладку. На ткань кладут влажную шерстяную тряпку, а на нее хлопчатобумажную.

Горячий утюг переставляют с места на место, не водя им по тряпке. От сильного пара шерстяные волокна приподнимаются, и глянец пропадает. Надо снять утюг с материи, когда ткань еще парит, а не проглажена до суха.

ПЯТНА ОТ ПОДПАЛИВАНИЯ ГОРЯЧИМ УТЮГОМ

Чайную ложку перекиси водорода растворяют в половине стакана воды, к которой добавлены несколько капель нашатырного спирта. Этим составом протирают пятна только на белой или нелиняющей ткани.

ГЛАЖЕНЬЕ БАРХАТА И ПЛЮША

Эти ворсовые материалы гладят только с изнанки. Один конец материи или сшитой вещи прикрепляют к краю стола, второй конец держат в левой руке, слегка натягивая ткань. Изначку увлажняют и проводят по ней горячим утюгом. От этого ворс приподнимается, а материал разглаживается. Можно гладить плюш и бархат на перевернутом утюге, проводя тканью по его зеркалу. Примятые места на плюше и бархате освежают, держа материю над сосудом с сильно кипящей водой ворсом наружу.

М. МАКОВЕР

ПРОСТОКВАША

Молоко — один из ценнейших пищевых продуктов. Особенно благотворны для организма молочнокислые продукты. Они питательны, как и цельное молоко, а по лечебным свойствам нередко превосходят его.

Молоко и молочнокислые продукты очень полезны людям, страдающим атеросклерозом, гипертонической болезнью, туберкулезом, болезнями почек и печени.

Молоко — прекрасная среда для развития микроорганизмов. Попадая в него при доении, они начинают быстро размножаться. Среди множества микробов преобладают молочнокислые стрептококки. Они выделяют молочную кислоту, которая подавляет развитие других микробов, а в кишечнике уменьшает процессы гниения и действует послабляюще.

Молочные стрептококки лучше всего развиваются при температуре около 30°C. Чем ближе температура молока к 30°C, тем быстрее протекает молочнокислый процесс. Если молоко для простокваши сразу поставить в холодное место, брожение пойдет вяло, и наряду с полезными микробами в нем будут развиваться и другие группы бактерий, придающие простокваше горький привкус.

З. ГЛУШНЕВА,
научный сотрудник Института питания
Академии медицинских наук СССР

На первой и четвертой страницах обложки: фото А. СТАНОВОВА.

Оформление номера В. ГОРТИНСКОГО.

Технический редактор С. СУРОВЦЕВА.

К этому номеру дается бесплатное приложение «Вышивка юбок и блузок».

Главный редактор — Е. И. ЛЕОНТЬЕВА. Редакционная коллегия: Н. А. ЕМЕЛЬЯНОВА, И. А. КОБЧИКОВА, О. П. КОЛЧИНА, П. Н. ПИНКИСЕВИЧ, Л. Е. ПИШЕНИНА, В. Е. СОКОЛОВА (зам. главного редактора), Е. И. УШАКОВА, М. С. ШАГИНЯН, А. Т. ШАПОВАЛОВА (отв. секретарь).

Адрес редакции: Москва, А-47, Ленинградский проспект, улица «Правды», 24.

№№ телефонов: Д 3-35-35; Д 3-39-48.

А 00037 Подп. к печ. 22/II—1963 г. Тираж 3 200 000 экз. Изд. № 363. Заказ № 248. Формат бум. 60×90¹/₈. 2,75 бум. л.—5,5 печ. л.

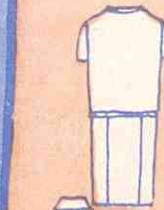
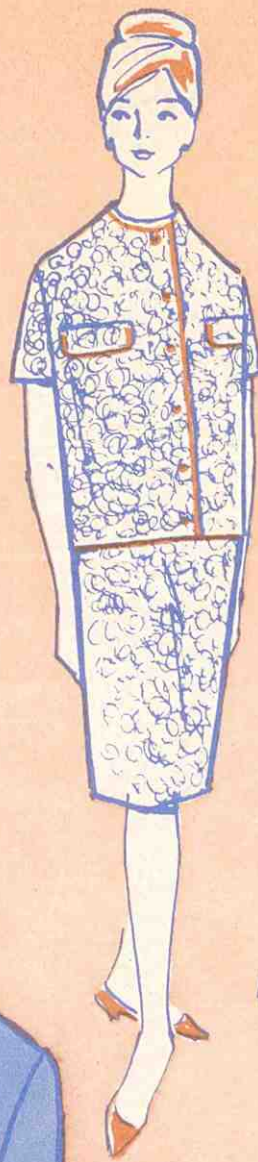
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ПЛАТЬЯ

Платье из шелковой ткани, отрезное по линии талии. Рукава втачные, чуть выше локтя. Юбка прямого покроя со встречными складками. Размер 46—52.

Платье из плотной ткани, отрезное по линии талии, с прилегающим лифом. Рукава втачные, длиной три четверти. Юбка прямого покроя со встречными складками. Размер 46.

К ВЕСНЕ

Платье-костюм из набивной ткани. Жакет прямой с втачными короткими рукавами. Застежка спереди на пуговицах. Юбка прямого покроя. Размер 46—50.

Платье из шерстяной ткани на полную фигуру, отрезное ниже талии. Рукава втачные. Юбка прямого покроя с односторонней складкой. Размер 54—56.

Платье из набивного шелка или ситца, отрезное по линии талии. Лиф прилегающий. Низ юбки отрезной, расклешенный. Размер 46—48.

Рисунки С. ТАВУНОВОЙ.

